

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АЛЕКСЕЙ ГОЛОВЕНКОВ
КРЫСИНЫЙ КОРОЛЬ

FUTURE CORP.

Метро

Алексей Головенков

Метро 2033: Крысиный король

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головенков А.

Метро 2033: Крысиный король / А. Головенков — «Издательство АСТ», 2021 — (Метро)

ISBN 978-5-17-088903-7

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! На независимой станции питерского метрополитена «Выборгская» готовится свадьба дочери коменданта с офицером империи Веган. Друзья девушки не сразу понимают, что та ни в коем случае не должна достаться «зеленому», иначе все метро окажется под угрозой. История о сбежавшей невесте и преследующем ее женихе оборачивается неожиданной стороной и обрастает все новыми жуткими подробностями.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088903-7

© Головенков А., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Объяснительная записка Анны Калинкиной	7
Глава 1. Дозор	9
Глава 2. Побег	20
Глава 3. Свадьба	26
Глава 4. Залаз	34
Глава 5. Шестеренки	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алексей Игоревич Головенков

Метро 2033. Крысиный король

© А. Головенков, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Объяснительная записка Анны Калинкиной

Во «Вселенной Метро 2033» Питеру повезло едва ли меньше, чем Москве. Его первым описал Владимир Березин в романе «Путевые знаки», открывающем серию, и другие авторы двинулись по его стопам. Городу на Неве посвящали романы Шимун Врочек и Андрей Дьяков, неизменно получавшие призовые места во время выборов лучшей книги года. Они населили питерскую подземку харизматичными героями – тут и мужественный Таран, и неподражаемый Иван Меркулов, и неистовый Убер. Константин Бенев и Ирина Баранова внесли свой вклад, обогатив серию образом Алекса Грина, человека с необычными способностями. Дмитрий Ермаков также не обошел Питер вниманием, добавив своих колоритных персонажей – неунывающего сталкера Игната Псарева, прекрасную медсестру Алису Чайку, полковника Бодрова. Трудно вписываться в такой густонаселенный мир, однако Алексей Головенков рискнул. И не зря – пожалуй, в питерской подземке не хватало именно такого героя, какого вывел он в своем романе. Леонид по прозвищу Чита – так называемый книжный мальчик. Однообразие подземной жизни он скрашивает чтением, а о реальности знает не так уж много. Но не стоит недооценивать книжных мальчиков. История показывает, что именно они порой выдавали идеи и теории, способные глобально изменить картину мира. Кроме того, Чита вполне способен переходить от слов к действиям, когда это необходимо, и с оружием обращаться умеет.

Подобно тому, как Артем в московском метро проходит долгий путь, наблюдая, делая выводы и взрослея, так и Леонид со своим другом и с наставником вынужден однажды покинуть родную станцию, чтобы увидеть, что творится вокруг. И его ожидает немало открытий.

Заслуживает внимания и друг главного героя, Николай Штыков, мечтающий стать сталкером или, как говорят на Выборгской, диггером. И еще об одном персонаже хотелось бы упомянуть. Как известно, изображение братьев наших меньших очень оживляет действие. Это в полной мере относится к выведенному в романе псу Прометею, который получился необыкновенно трогательным.

Действие романа происходит ранней весной 2033 года. То есть раньше, чем во всех остальных романах о Питере, не считая «Путевых знаков». Война между Империей Веган, государством экологов с националистическим уклоном, и Приморским Альянсом, еще одной крупной группировкой питерского метро, еще только назревает. И автора это противостояние интересует скорее с точки зрения психолога. На примере одного из офицеров Империи Веган он показывает те черты «зеленых», за которые их ненавидят в остальном метро, органично дополняя общую картину, внося в нее свои краски.

Поклонникам серии вновь предоставляется возможность окунуться в знакомую атмосферу. Вернуться в Питер и оказаться на независимой станции Выборгская, где собираются отдать в жены офицеру «зеленых» дочь коменданта. Где травят свои байки челноки, мечтают о подвигах молодые дозорные, в то время как Империя Веган начинает готовиться к войне.

– Отгадай загадку. Что это? Сначала ползешь, потом бежишь, прыгаешь, стреляешь, весь в грязи, обливаешься кровью и потом, добываешь хабар, а потомдохнешь.

– Ну, ясно, что – это залаз!

– Нет, брат, залаз – это когда ползешь, прыгаешь, стреляешь, весь в грязи, крови и поту, берешь хабар и возвращаешься. А вот когда в концедохнешь – это уже другое.

– И что же?

– Это, брат, жизнь!

Из диггерского фольклора.

Глава 1. Дозор

– Чита, хорош глаза ломать, обход.
– Сейчас. – Леонид отодвинул масляную лампу, но так и не сумел оторваться от чтения.
– Ладно, я сам.
– Иду.
– Забей, я быстро. – Николай не дождался реакции и, заподозрив, что друг его не слушает, добавил. – Я до Площади и обратно.

– Ага, – невпопад согласился Чита.
– Хотя как получится – может, там жить останусь.
– Иду.
– Нет уж, – хохотнул Николай, – оставайся. Нашим скажешь, что я в дигтеры ушел.

Он сплюнул, растер плевков ботинком и отошел от блокпоста. Замерев, некоторое время вглядывался в темный зев туннеля, вслушивался в его звенящую тишину. Затем едва заметно потянулся, разминая мышцы, перекатился с пятки на носок и обратно. Проверил ремень автомата – не болтается ли свободной петлей и не слишком ли крепко затянут, не будет ли мешать или сковывать движения. Коснулся налобного фонаря. Поправил крепление и пошел вглубь туннеля.

– Штык! Ты куда, блин?

Леонид с сожалением отложил книгу и, схватив вертикалку, догнал приятеля.

– Ты чего? – Настроившийся на туннель Штык смотрел на возникшего рядом друга рассеяно, словно бы и вовсе забыв, что на дежурство они заступали вдвоем. – Я сортир проверю – и обратно.

– Я с тобой.

– Забей.

– Ага, забью, ты уйдешь, а тут Дед нагрянет и вставит мне по самое не балуйся, что тебя одного отпустил.

Санитарный блок, расположенный метрах в ста от блокпоста, днем был настоящим подспорьем для жителей Выборгской. Недалеко от таможни, под платформой, располагалась маленькая ферма, в связи с чем санузелом активно пользовались для поливки урожая. На ночь санитарный блок запирали на замок.

Ходили слухи, что раньше санузел не запирали даже ночью. Придут, например, челноки, и что с ними делать? На станцию пускать и коменданта разыскивать? А если комендант почивать изволит? В туннеле до утра держать тоже не дело. Челнок – птица гордая. Обматерит дежурных и вернется на развязку. На товары спрос везде есть, а Выборгская – станция бедная, челнок сюда целенаправленно не идет.

Вот и пускали дежурные торговый люд в санузел заночевать. С одной стороны, самим хлопот меньше – пост покидать не надо (народу на станции немного, каждая пара глаз, караулящая туннель ночью, на счету), начальство разыскивать да из кровати вытаскивать тоже необходимость отпадает. С другой стороны, такой порядок и челнокам по душе. За санитарным блоком ухаживали как следует, а возможности помыться с дороги в душевой челноки были только рады. Здесь же и спали. Помещение чистое, от станции недалеко, блокпост с охраной рядом.

Так и повелось до поры до времени. Пока однажды привычный порядок вещей не вернулся с ног на голову по чьему-то недосмотру. С очередным торговым караваном на Выборгскую пробралось нечто, сумевшее не только не привлечь внимание таможенников, но и не вызвать подозрение у самих челноков.

Нечто перебило во сне десяток людей и покинуло санитарный блок так же незаметно, как и проникло в него. Лишь наутро женщины и молодежь, занятые на ферме, обнаружили то, что осталось от несчастных. На ферме в тот день не работали. Все жители Выборгской были заняты. Мужчины – поиском безжалостного и умелого потрошителя, женщины – отмыванием санузла. Санузел отмыли, а вот потрошителя так и не нашли.

После этого инцидента ночевки в санитарном помещении прекратились. Челноков туда не пускали, бродяг прогоняли. Дверь стали закрывать на замок, а дежурным вменили в обязанность прогулку от блокпоста до запертой двери санузла.

– Как думаешь, чего это крысы обезумели? – спросил Николай, пытаясь пнуть подвернувшегося под ноги грызуна. Крыса отбежала на некоторое расстояние, затем, передумав, развернулась и пошла в атаку на человека. Тот развеселился и топнул ногой. Зверек ретировался. – У нас еще ничего. На других станциях, говорят, совсем беда. Расплодились, агрессивные стали, людей не боятся.

– Сам что думаешь? – Чита пожал плечами.

– Не нравится мне то, что я надумал, вот тебя и спрашиваю, – Штык отошел от стены, вдоль которой они шли, и, остановившись посреди туннеля, направил ствол автомата в сторону узкого ответвления, затем кивнул напарнику – действуй.

– Что же ты надумал? – Леонид заглянул за угол. Не спеша, аккуратно. Как учил Дед. Чуть качнулся вперед и сразу назад, переждал три секунды и снова высунулся. Но уже приседая.

– Помнишь, Дед рассказывал, когда они на флоте в учениях участвовали, по их кораблю подлюдка должна была отстреляться?

– Когда подводники накосячили, и торпеда не под килем прошла, а брюхо кораблю вспорола?

– Да. Дед говорил, они сообразили, что корабль тонет, только когда крысы в воду стали прыгать. Все, что были на корабле, повылезали из всех щелей и сиганули в воду.

– Я читал про такое. Если крысы бегут с корабля, значит, замечают мелкие трещины и прочие признаки скорой гибели судна.

– Вот и я об этом, – Николай навис над присевшим товарищем, просканировал туннель стволом «Ублюдка», изготовленного умельцами с Техноложки, – если крысы бегут из метро, значит, чувствуют скорую погибель.

– Чью? – не понял Чита.

Штык помедлил с ответом, прошелся до двери санузла. Друг шел следом.

– Погибель метро. – Николай проверил замок, брякнув им о дверь, развернулся, встретившись взглядом с Леонидом. – Это все не вечно. Мы очень неплохо обустроились. Иногда слушаю рассказы Деда про то, как все случилось, и не верю. Кажется, всегда так было – метро наш дом, наша крепость, а поверхность никогда нам не принадлежала. Думаешь так, и все вроде бы нормально. А как вспомнишь, что было по-другому, что мы там жили, наверху, а не твари – тошно становится. Если мы так легко целый мир просрали, то и метро просрем.

По растерянному выражению лица Читы было понятно, что Штык застал его врасплох. И Леонид, способный заговорить зубы, ловко переключить внимание собеседника и незаметно сменить тему разговора, не нашелся что сказать.

– Движение в основном туннеле. Прошли к посту, – отчеканил Николай, поднимая автомат так, чтобы прицельная планка находилась на уровне глаз.

Чита развернулся на пятках и тут же присел, привалившись к стене. «Ублюдок» Штыка навис над его головой, готовый в любой момент осветить узкое ответвление туннеля вспышками выстрелов. Леонид словно бы прирос к стене. Упор на одно колено, второе служит опорой руке, на которой лежит цевье. Левое плечо – продолжение стены. Правое – продолжение приклада старенького «Фермера».

В книгах, которые читал Леонид, говорилось, что оружие должно быть продолжением руки. Дед Яков учил, что это человек должен быть продолжением оружия. В момент выстрела хороший стрелок перестает существовать. Его глаза становятся прорезью на прицельной планке, палец – частью спускового крючка, руки и плечи – неподвижными сошками.

Хороший стрелок, такой как Дед, поднимая оружие, не думает о том, что его могут убить. Он сосредоточен на дыхании и думает только о том, какую стоит взять поправку, если выстрел предстоит сделать на большом расстоянии, или о том, как избежать рикошета, если предстоит стрелять в упор, да еще и в туннеле.

Леонид был плохим стрелком. Он не умел отключаться от происходящего и концентрироваться на выстреле, как Дед. Пожалуй, если бы Якова укусила крыса, которая вцепилась в щиколотку Чите, он просто смахнул бы ее, а то и вовсе не заметил бы до тех пор, пока не оторвал бы взгляд от прицела.

Ощувив резкую боль в ноге от укуса, Леонид дернулся всем телом, рефлекторно вдавливая спусковой крючок. «Фермер» взбрыкнул коротким стволом, плюнув огнем и дробью. Черный силуэт в туннеле качнулся в такт выстрелу и исчез за углом.

– Твою мать, Чита! – Штык с размаху пнул виновницу происшествия, на этот раз удачно. – Охрана станции! Не стрелять!

Живой снаряд, издав пронзительный писк, пролетел по высокой дуге, ударился о стену и шмякнулся на пол.

Некоторое время ничего не происходило. Противник никак себя не проявлял, а охранники вглядывались в темноту. Затем из-за угла прилетела граната, которую вошедший в азарт Штык пнул еще сноровистее, чем крысу. Впрочем, противник кидал гранату с задержкой, так что та сработала, не успев отлететь далеко.

– Шоковая! – успел выкрикнуть Николай, зажмурившись. Белая вспышка обожгла глаза даже сквозь сомкнутые веки. Леонид, среагировавший на предупреждение, сумел сохранить ориентацию в пространстве. Вслепую нащупав спусковой крючок, он выстрелил в сторону противника, истратив второй заряд дроби. Штык не рискнул стрелять наугад, опасаясь рикошета.

В следующий момент их сбили с ног, отобрали оружие и принялись бить.

Чита, сгруппировавшись и прикрыв голову руками, подумал, что их бьют не зло – не торопясь, выбирая место для удара, и вроде как несерьезно. Значит, они никого не убили. Это хорошо, возможно, их оставят в живых.

Николай, скрючившись, защищая, в первую очередь, пах, тоже решил, что их бьют вполсилы. Скорее чтобы наказать, нежели чтобы расправиться. Похоже, друг промазал.

– Хватит. Поднять на ноги, оружие забрать, руки связать. – Человек, раздававший распоржения, навис над дозорными высокой тенью.

Зрение у Штыка стало восстанавливаться, когда их с Читой доволокли до блокпоста. Бесплотные тени приобрели объем и резкость. Сейчас Николай уже мог разглядеть семерых бойцов, облюбовавших их таможду.

Рослые, широкоплечие, у всех одинаковая экипировка: черные форменные штаны, куртки из плотной ткани, высокие берцы. Поверх курток – бронежилеты и незаношенные, будто бы даже новенькие, разгрузки. На головах – шлемы. На лицах – черные маски с прорезями для рта и глаз.

По вооружению бойцов можно было понять, что они – не просто любители прошвырнуться по туннелям от станции до станции. И даже не наемники, сбившиеся в отряд по какой-либо надобности. Тех, даже если и нарядить их в одинаковую форму, выдаст привычка держаться независимо и обособленно.

На Выборгскую наведались профессионалы. Чужаки выглядели так, будто лишний раз и не почешутся, если на то не будет соответствующей команды. Прикрывали друг друга столь слаженно, будто были марионетками, управляемыми одним кукловодом.

Тот выделялся на фоне остальных облегченной экипировкой – отсутствием рюкзака за спиной, а также полупустой разгрузкой. И был на две головы выше подчиненных, будто бы и впрямь возвышался над ними, чтобы держать невидимые нити, потянув за которые, можно было привести в действие отлаженный боевой механизм из шести отлично подогнанных друг к другу шестеренок.

– Что делать будем? – подал голос оклемавшийся Леонид.

Один из бойцов, судя по порванной разгрузке – тот самый, которого они угостили дробью, склонился над ним и засунул ему в рот кусок ветоши. После этого толкнул ногой в плечо, отчего Леонид, который не мог опереться на руки, стянутые пластиковым хомутом за спиной, опрокинулся на бок. Тогда Штык, собиравшийся было ответить другу, захлопнул рот и соорудил придурковатую гримасу, по его мнению, отлично выражающую позицию «моя хата с краю».

Боец, уронивший Читу, оценивающе взглянул на Николая. Тот потупил взгляд и прикинулся сущим идиотом, разве что слюну не пустил. Не сработало. Рот ему затыкать не стали, но пинок в плечо и его опрокинул в неудобную позицию. Теперь обзор закрывали мешки с песком, используемые на таможне в качестве баррикады.

Ориентироваться в происходящем Штык мог только по звукам. Звуков же было не так уж много. Легкое шарканье ботинок по бетону, да слабые, явно наигранные постановывания Читы. Решив ничего не предпринимать, Николай закрыл глаза, давая им отдых.

Отряд явно не собирался сидеть в засаде, поджидая разводящих, и не планировал атаковать станцию. Чужаки дожидались, пока их обнаружит кто-нибудь из местных.

– Что здесь происходит? – Знакомый голос заставил Штыка встрепенуться. Леонид вмиг перестал стонать. – Яков Волков, заместитель начальника охраны.

– Вот и мне хотелось бы это знать. – Речь кукловода лилась, словно мед, тягучий и приторно-сладкий. – Почему нас обстреляли ваши люди? Сильно сомневаюсь, что это местный свадебный обычай.

– Так-с. – Голос Деда прозвучал резче, чем выстрел. – Николай, докладывай.

Успев смекнуть, кем являются чужаки, раз им известно про свадьбу, и с какой целью они прибыли на станцию, Штык поведал о случившемся, умолчав про инцидент с гранатой. Ни к чему лишние разборки, раз уж сами накосячили.

– Ваши паспорта? – обратился Дед к чужакам.

Несколько минут он потратил на изучение документов, затем удовлетворенно кивнул.

– Прошу прощения за оплошность таможенников. Я рад, что никто не пострадал. – Дед быстро скользнул взглядом по бездвиженным подчиненным. – Можем ли считать произошедшее недоразумением?

– Я не имею претензий, учитывая цель моего визита на Выборгскую, – произнес кукловод. – В иных обстоятельствах, например, будь мы в Империи, стоило бы устроить как минимум показательную порку. Но не будем омрачать торжество.

Леонида и Николая освободили, вернули им оружие. Яков, велев дожидаться его возвращения, увел чужаков на станцию. Перед уходом он напоказ отчитал подчиненных, назначив по наряду вне очереди.

– Угораздило же, – сокрушался Чита, массируя затекшие запястья.

Зрение у него не сильно пострадало. Он ловко ориентировался в потемках – нашел ведро с водой, разделся до пояса, умыл разбитые губы, принялся осматривать синяки и ссадины. Штык сидел, привалившись к мешкам с песком, все еще ожидая, пока перед глазами перестанут плясать белые пульсирующие пятна.

– Ты как, цел?

– Живы будем – не помрем. – Леонид открыл аптечку, которой полагалось быть на блокпосте, и которая, в теории, включала запас обезболивающих, жгутов, бинтов и стерильных

повязок. На деле же в аптечке были лишь эластичные бинты, удобные в использовании из-за того, что их можно было стирать, и одинокий флакон спиртового раствора. Закатав прокушенную крысой штанину, дозорный промыл рану, бережно расходуя раствор, перевязал ногу эластичным бинтом.

– Ну и получим же мы от Деда.

– Так уже получили, – вздохнул Николай, – наряд вне очереди. Ты этого слышал? Будь мы в Империи, он бы нас выпорол!

– Не сомневаюсь. А мог бы что-нибудь и похлеще придумать. Фустуарий, например, устроить.

– Это что?

– В римском легионе – забивание камнями и палками. Полагалось за серьезное нарушение воинской дисциплины. А в Вегане, думаю, фустуарий и за меньшее устраивают. Вместо камней и палок, как я слышал, арматуру используют.

– Фашисты. – Штык сплюнул алую слюну и потрогал кончиком языка зубы, на которые пришлось пара ударов. Зубы не шатались. Все-таки веганцы били их не всерьез.

– В жестокости Веган упрекать не стоит, – продолжил Леонид, – меры наказания у них применимы только к рабам или к солдатам в случае провинности. К уважаемому гражданину они не применяются.

– Раб, по-твоему, не человек? – возмутился Штык. – А солдат? Словом надо воспитывать. Вон, Дед иной раз так словом пригреет, что и без всякой порки чувствуешь себя последним лохом.

– Это еще вопрос, кому лучше живется – рабу в Империи или свободному на глухой станции. – Чита поморщился оттого что приятель перевел тему.

– Я во вторник, когда с Дедом на Площадь Ленина ходил, познакомился с одним медиком из диггеров, – буркнул Николай. – Он рассказал, как они на поверхности нашли однажды раненого веганца. Его собаки в клочья порвали. Медик утверждал, что физиология веганца очень сильно отличается от человеческой. Когда он его заштопать пытался, растворы всякие вливал, которые любому бы помогли, тот чуть копыта не кинул. Он только тогда этого зеленого на ноги поднял, когда в его снаряге покопался и какие-то незнакомые медикаменты нашел.

– Не врешь? – заинтересовался Чита, пропустивший поход на Площадь из-за дежурства.

– Врет, – ответил Яков, подошедший к блокпосту незаметно для дозорных. – Медик рассказал, что веганец в самом деле поправился благодаря своим лекарствам, а вот физиология у них такая же, как и у нас. Вы чего в темноте сидите?

– Глаза бережем, зеленые шоковой гранатой угостили, – ответил смутившийся Штык.

– Чего? – удивился Волков. – Почему не рассказали про гранату?

– А что поменялось бы? – пожал тот плечами.

– Дружище, а ты, случаем, не из Одессы? – Яков прищурился и внимательно оглядел Николая. – Ты чего вопросом на вопрос отвечаешь?

– А почему вас это интересует? – хохотнул Леонид, недавно прочитавший сборник анекдотов.

– Отставить веселость и находчивость, – хмыкнул Дед, – давайте подробно и в красках, что случилось.

– Если в красках надо, пусть Чита рассказывает. – Штык, так и не поняв насчет Одессы, на всякий случай обиделся.

Тот рассказал. Как и просили – в красках. Николай даже заслушался. Оказалось, что крыса, укусившая Читу, была здоровенная и злющая. А их короткая схватка с веганцами была столь яростной, что Штык невольно расправил плечи, услышав, как они с Читой «стоя спиной к спине и потеряв зрение, не давали друг другу упасть, когда чужаки принялись осыпать их ударами со всех сторон».

Волков слушал внимательно, не перебивая и никак не выражая отношения к произошедшему. Лишь когда Чита стал рассказывать, что вертикалку у него смогли забрать только после того, как он потерял сознание, потому что до этого он не выпускал ружье, вцепившись в него мертвой хваткой, Яков, не выдержав, рассмеялся.

– Леня, блин, тебя послушать, так выходит не опус о том, как вы со Штыком с перепуга обстреляли наших гостей, а эпос о Троянской войне. Давайте, бойцы, разбор полетов.

Николай с Читой переглянулись. «Разбор полетов» означал, что Дед не так уж зол. В противном случае был бы крепкий мат, а то и раздача оплеух. Конечно, его подопечные могли попробовать защититься, но, по-хорошему, связываться с Яковым, до Катастрофы профессионально занимавшимся армейским рукопашным боем, не стоило.

– Главный косяк, конечно, – задумчиво начал Чита, – что я крысу проглядел.

– Бреешь, от случайности никто не застрахован, – покачал головой Волков. – Еще раньше косяк был. Вы как сортир проверяли?

– Как положено по инструкции, – ответил Штык, – вдвоем.

– Ага, мы с Тамарой ходим парой... – Яков выругался. – Смысл парного обхода в том, что, когда один боец доходит до санузла и теряет основной туннель из поля зрения, второй, стоя перед поворотом, держит и напарника, и основной туннель. А вы дали отрезать себя от туннеля и загнать в тупик. Так?

– Дед, блин... – Штык запнулся. Этого прозвища, которым его называли исключительно за глаза, Яков не любил. – Якорь, когда Чита выстрелил, я заорал, что мы из охраны станции. Эти гады точно услышали, но решили нас повязать в отместку за то, что мы одному из них шкурку на бронике поцарапали. И ведь не пожалели гранату. Совсем зажрались, буржуи.

– А вот прежде, чем кричать, надо было тыл обеспечить – отпереть дверь в санузел. Там бы и засели в случае перестрелки, если бы это беспредельщики оказались.

– Смысл? Нас в сортире бы и накрыли, – возразил Штык.

– Надо думать, вы бы отстреливались, создавая максимум шума. На какое-то время зачистка санузла отвлекла бы противника, давая станции лишние минуты для подготовки обороны. В такой ситуации главное – жизнь дороже продать, чтобы своим потом легче было.

Дозорные не возражали, обдумывая слова Деда. Конечно, озвучивать правильные решения в спокойной обстановке нетрудно. Трудно самому поступить правильно, когда на размышления у тебя считанные секунды. Вот только и Леонид, и Николай знали, что будь на их месте Яков, он бы не только успел смекнуть, как надо поступить, но и продал бы жизнь втридорога в случае реального боя.

– Короче, молодежь! – Волков хлопнул по дырявому мешку с песком, выбивая из него облачко пыли. – Каждому – по наряду вне очереди, причем заступаете сразу, как ночное дежурство кончится. Впрочем, нет, три часа отдыха. Потом – в наряд. Договариваться с кем-нибудь о подмене запрещаю. Увижу, что по станции шлетеесь – шею намылю.

– Якорь, ты не хочешь, чтобы мы с этими зелеными пересеклись? – догадался Чита.

– Я не хочу, чтобы из-за личных обидок пострадала целая станция, – ответил тот, – если вдруг кто-то надумает свести счеты.

Дед говорил это, обращаясь к Леониду, но судя по взглядам, которые он метал в сторону Штыка, речь прежде всего адресовалась ему.

– Нам от этого брачного союза ни холодно, ни жарко, – сообщил Николай.

– Бреешь, – покачал головой Волков. – Начнем с того, что времена нынче беспокойные, независимым станциям год от года все сложнее приходится. Рано или поздно прогнемся под кого-нибудь, так что лучше не дожидаться, пока к нам кто-нибудь с мечом придет, а самим выбрать в союзники тех, у кого меч острее.

– С умом выбрали, – хмыкнул Штык. – Угонят веганцы добрую часть населения к себе в Империю и заклеят. Будем тогда горбатиться, не разгибаясь, и радоваться, как все здорово

вышло. Думаешь, зеленые просто так вырядились, будто им до нас не четыре станции пройти, а целую ветку по поверхности?

– Не наше с тобой дело о политике думать, понял? – нахмурился Дед. – Во-первых, у нас мозги по-другому заточены. Не понять нам всей выгоды и расклада в целом не увидеть. Политика – дело тонкое. Тут надо мыслить шире. Мы тоже должны просчитывать на ход вперед и решения быстро принимать, как в ситуации с вашей перестрелкой, но это ничто в сравнении с тем, какие решения приходится принимать руководству. Мы с тобой будто в дурачка режемся, в то время как наш комендант в шахматы играет. Да и не знаем мы всех тонкостей ситуации. Даже если захотим разобраться, как в эти самые шахматы играть, то в лучшем случае будем шахматными фигурами по правилам шашек ходить. Понял аналогию?

– Понял, – буркнул Штык на всякий случай. В карты играть он умел и любил. А вот про шахматы и шашки слышал только от старожиллов.

– На Чернышевской говорят, веганцы к ним стали часто навещаться, – вставил Леонид, – ведут переговоры с комендантом. Ходят слухи, что станцию хотят присоединить к Империи. А в этом случае присоединение Площади и Выборгской – лишь вопрос времени. От Конфедерации мы отрезаны разрушенной Лесной, их соседство Империи не смутит. Единственное препятствие – бордюрщики на Площади Восстания и Маяковской, но из перегона через Маяк обходной туннель есть.

– Говорят, корову доят, только я ее молоко в жизни пить не стану, – сообщил Яков. – Опять же – нам неизвестен весь расклад, так что, Штык, поверь, комендант – не дурак, не стал бы родную дочь замужеством неволить, если бы на то не было веской причины.

Николай насупился и пробурчал в ответ что-то невнятное.

– Леня, как нога? – Якорь заметил повязку.

– Болит. Крысы в последнее время словно с ума посходили. Раньше они просто так на человека не бросались. Только с дикой голодухи.

– Не было раньше такого, – согласился Яков. – Я вот как скажу, Леня. Крыса – тварь умная. Просто так ничего делать не будет. У нас на флоте случай был. Отдали корабль на списание, только хозяйственники с бумагами не спешили, короче, он так в порту и стоял. Дежурить на нем дежурили, но полноценной вахты не ставили, и в отсутствие человека крысы на корабле совсем распоясались. Плодились и размножались в свое удовольствие. Потом с бюджетом туго стало, и корабль обратно на службу поставили. Вы не представляете, парни, какое там к этому времени серое царство было. Им самим так тесно было, что пару раз даже крысиные короли попадались.

– Это что за зверь? – заинтересовался Штык, смекнув, что есть шанс отвлечь внимание командира от разбора полетов.

Он сноровисто разжег костер, пустив в дело остатки щепы, скудный запас которой полагался дозорным на время ночного дежурства. С ее помощью раздул угли, наполнил водой мятый жестяной чайник и повесил его над костром на закопченную треногу, сделанную из арматуры.

– Крысиный король, – Дед уселся поудобнее, выудил из кармана телогрейки самокрутку, прикурил от щепы, – это когда крысы срастаются телами или хвостами из-за того, что живут в стесненных условиях. Такой вот интересный феномен – мутация без воздействия радиации. Можно сказать – социальная мутация.

– Не слышал про такое. – Штык шебуршал в углях короткой арматурой.

– Редкий феномен, – прокомментировал Чита. – Мне журнальчик как-то попался. Про всякую жуть, призраков, монстров разных. И про крысиного короля было. Пишут, что их периодически находили на фермах и кораблях. Но крайне редко, поэтому поговаривали, что крысиный король управляет остальными крысами, а они ему служат. Пищу приносят и все такое.

– Пищу они ему приносят, – кивнул Волков, – потому что эта тварь сама двигаться не может. Представьте несколько крыс, спутавшихся хвостами так прочно, что они уже начали срастаться. И вот эти крысы пытаются бежать в разные стороны, но мешают друг другу сдвигаться с места.

– Как люди в метро, – вдруг изрек Чита.

Якорь замолчал и покосился на него. Леонид задумчиво смотрел на языки пламени, лижущие закопченное доньшко чайника. Николай толкнул приятеля в плечо, и только тогда Чита очнулся от раздумий.

– Как люди в метро, – повторил он тихо, не отрывая взгляда от пламени. – Живем друг у друга на головах. Работаем вместе, спим вместе. Поодиночке не ходим, мало ли что? Торгуем, воюем. Срослись хвостами, как крысы. И, как крысиный король, не движемся с места. Немного влево, чуть-чуть вправо, то тащим других на себе, то давят нас. В итоге остаемся на месте. Метро – гигантский крысиный король, с ветками станций вместо хвостов. Но других крыс, которые бы о нас позаботились, нет. Вымерли другие крысы. Только мы выжили. Уродливый крысиный король, который не может сам о себе позаботиться. А крысиный король долго не живет... так в журнале писали.

Чита замолчал. Повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей. Дед и Штык притихли, находясь под властью описанного образа. Леонид с полминуты смотрел на пламя, затем сильно зажмурился и открыл глаза, будто бы стряхивая наваждение.

Увидев, что вода в чайнике забурлила, он схватил лежащую рядом тряпицу и снял чайник с треноги. Несколько минут возился с чаем, заваривая его в жестяных кружках, затем процеживая.

– Леня, сплюнь и постучи себе по голове. – Дед пригубил чай. – Или Коляну постучи. Тебя лет десять назад за такие пророчества на любой станции повесили бы.

– Якорь, так что там с крысами? – нетерпеливо спросил Николай.

– Травили мы их, значит, чем могли, мышеловки ставили, но все впустую. Тогда мы котов на корабле завели. Тут, конечно, легче стало. И вдруг отправляют нас на учения. Совместные с иностранцами. Сейчас уже не вспомню, с кем, с какими-то копчеными южанами. Не то португальцами, не то аргентинцами. Корабли наши долго борт о борт стояли. Мастер-классы друг другу показывали. Так вот, мы себе на борт еще и их крыс хапнули. Зарубежных, значит, злющих-презлющих. Коты, которые крысиное царство к тому времени уже ополовинили, от этих крыс почему-то носы воротили. Зато наши крысы на зарубежных гостей накупились, будто на злейшего врага.

– Конкуренцию почуяли, – предположил Штык.

– Ну, и мы примерно так же думали. – Дед громко отхлебнул чай. – А потом оказалось, что эти иноземные грызуны какой-то хренью болели. Вот наши их и перебили, значит, чтобы зараза не распространялась. Я это к чему рассказывал... Чита, блин, со своим крысиным королем с мысли сбил.

– Крыса – умная тварь, – подсказал Леонид.

– Умная, – согласился Якорь. – Просто так ничего делать не станет.

Они еще некоторое время пили чай, и когда Дед уже собрался уходить, Штык вдруг замер с кружкой в руке: «Свет в туннеле».

Волков быстрым движением крутанул ремень автомата и перекинул оружие со спины на грудь. Бесшумно поднялся, сделал несколько шагов и припал к мешкам с песком. Чита последовал его примеру, пристроив свою вертикалку поверх мешка.

– Ты ружье перезарядить не забыл? – поинтересовался Якорь.

Леонид чертыхнулся и, спрятавшись за мешками, занялся перезарядкой.

– Штык, свет, – коротко бросил Дед.

Тот, уже успевший занять место рядом с командиром, надел налобный фонарь, который с него стянули во время драки.

– Стой, кто идет? – крикнул Дед.

– Челноки!

– Как на Маяке дела?

– Царь Ахмет нынче зверствует. Поборы дикие.

– К нам-то зачем?

– Слышали, у вас праздник намечается!

– Понятно. Вовремя пожаловали.

Блокпост ожил за несколько минут. Подошедшие челноки скинули баулы, стали здороваться, интересоваться, пришел ли уже жених и на какое время назначено торжество.

– Проход – два патрона, – сообщил Николай и на всякий случай добавил: – С каждого.

Леонид выстроил челноков в ряд и приступил к досмотру. Яков, отойдя в сторонку, наблюдал за происходящим.

– Дурь к ввозу запрещена, – заявил Штык, – оружие придется сдать. На выходе со станции отдадим. Товары не фонят?

– Обижаешь, служивый, – прогнусавил мужик с длинной и густой, но ухоженной бородой медного цвета, по всей видимости, главный. – У нас все – самое лучшее.

– Верим, но проверим. – Николай достал дозиметр. – Выкладывайте.

Чита приготовил проходные листки, достал печать с надписью «Диспансеризация пройдена», ухмыльнулся. Если бы таможеню пересекал кто-то из своих, он не удержался бы от любимой шутки и, приготовив печать, серьезным голосом предложил бы: «Раздевайтесь».

Мужики принялись выкладывать вещи, завернутые в тряпье. Суетливый бородач с цепким взглядом прыгал вокруг, отдавая распоряжения. Помимо привычных товаров, бывших в ходу на любой станции – консервов, батареек и шмоток, в баулах была уйма маленьких разноцветных коробочек.

– Ювелирка, – сообщил бородач, открывая одну из коробочек и демонстрируя кольцо из темно-зеленых камней, – для невесты. Не покусится жених на такую красоту?

– Я бы не покусился, – Николай с восхищением рассматривал кольцо, не осмеливаясь вынуть его из коробочки. – Дорого продаешь?

– Дорого, – ответил тот и сокрушенно покачал головой, будто бы ему самому драгоценность была не по карману. – Фианиты в золоте. Такое только на свадьбу и дарить, и только любимой женщине. Но ты же не женишься? А для твоей подружки у меня кое-что есть!

Бородач подмигнул и засуетился, копаясь в недрах баула, извлекая оттуда одну коробочку за другой. Достав искомую, открыл ее и сунул под нос Николаю.

– Ну-ка, гляди!

В коробочке лежал крохотный, тонкий крестик. Украшение выглядело настолько хрупким, что его было боязно брать в руки.

– Твоей обязательно понравится. – Меднобородый удовлетворенно закивал. – Белое золото!

– Не серебро? – Штык явно заинтересовался украшением.

– Обижаешь, – напустился челнок. Его живое, выразительное лицо тут же изобразило обиду. – Я репутацией дорожу. Смотри сюда.

Бородач положил подвеску на широкую ладонь, поперек которой виднелся светлый рубец, и поднес к лицу Николая, ловя свет от налобного фонаря.

– Видишь, подтон белый. А серебро стальным отсвечивает.

– Цена-то какая?

– Штык, етить твою за ногу! Кто ж так торгуется? – Дед, молча наблюдавший за досмотром, отклеился от стены и встал перед бородачом. – Он тебе цену и не назовет, пока товаром

не заинтересует. Цена тебя вмиг отпугнет. А ты должен делать вид, что не слишком заинтересован, и цену сбивать.

Бородач, увидев Якоря, расплылся в широкой улыбке. Глаза его озорно заблестели.

– Ну что, парень, возьмешь своей крале? Очень выгодно будет смотреться на ее тонкой шее!

– Рискованно, – причмокнул губами Дед. – А если у него баба жирная?

Николай недоуменно покосился на Якоря. Челноки обступили их, предчувствуя бесплатное зрелище. Улыбающийся Леонид занял место в первом ряду, встав рядом с молодым парнем, очень похожим на меднобородого. Тот дружелюбно ткнул Читу локтем, мотнул копной рыжих волос и ехидно прокомментировал: «Приятель твой в жизни не признается, что подружка у него жирная. Зато быстрее купит, раз его бабу похвалили».

– Тоже верно! – Дед чуть не прыснул.

– Не слушай их, я им из принципа ничего не продам. А как девочке своей подаришь, будут локти кусать. – Меднобородый перестал улыбаться и стрельнул глазами в сторону насмешников. – Проще чужие подарки хаять, чем самим делать. Так и скажут своим бабам, что и не золото, а серебро, или из чего там подделки бывают? Только бабу не проведешь. Девка качественные цацки сразу распознает.

– Сколько стоит? – Штык то и дело поглядывал на Волкова, отслеживая его реакцию. Быть в центре внимания, да еще и выступать в роли местного дурачка ему явно не хотелось, но украшение очень уж понравилось.

– Не важно, сколько стоит, важно, за сколько я готов отдать. – Бородач стрельнул глазами в сторону Якоря. – Назло этому хмырю за копейки продам.

– Сколько? – вновь спросил Николай.

– Слушай, тебе отдам за... – Челнок поманил Штыка пальцем и, наклонившись к самому уху, что-то прошептал.

– Не гонишь? – Тот не сдержал улыбки, которая, впрочем, скисла в следующую секунду. – Это в рожках, что ли?

Дед заржал. Кто-то, не сдержавшись, прыснул в кулак. Остальные беззвучно давились смехом. Лишь плечи ритмично вздрагивали, да лица корежило от тщетных попыток сдержать улыбки.

«Вот батя дает!» – Рыжий парень снова ткнул Леонида в бок.

Меднобородый смущенно пожал плечами.

– Не, сразу на хер! – Штык попытался положить подвеску в ладонь бородача, однако тот оказался проворнее. Подставив одну ладонь под ладонь Николая, второй он прихлопнул украшение сверху.

– Парень, а ты реальную цену знаешь? Я цену определяю по тому, как тяжело мне эти цацки достались. Диггеры все это добыли, и они на поверхность больше не полезут. Без ног оно, знаешь, трудновато будет. Вот... Считай, на пенсии. Да ты и слова такого не знаешь. Мне на обратной дороге им добрую часть патронов отсыпать надо будет. Да забей, не твои проблемы... – Челнок заглянул Николаю в глаза. – Скину четверть. Возьмешь?

Штык растерялся. Он так и стоял, не пытаясь вырвать ладонь.

– Четверть?

– Ну не могу больше, – покаялся бородач. – Слушай, давай еще золота накинута? Цепочку хочешь к подвеске?

– Покажи, – сдался Николай.

Раздались аплодисменты. Штык восторженно, будто бы очнувшись от гипноза. Меднобородый вперил в Деда грозный взгляд и вдруг прыснул со смеху.

– Якорь, черт! Всю малину портишь!

Бородач и Яков стиснули друг друга в богатырских объятиях. Дед даже закричал, когда челнок сомкнул руки на его спине. Через секунду захохотал меднобородый, когда мускулистые предплечья сдавили его ребра. Рукава ватника задралась, обнажив татуировки. Морские якоря, вытатуированные на предплечьях Волкова, будто бы вонзились бородачу под ребра.

– А не хрен на моей станции наживать, – хмыкнул Якорь. – Шах, ты здесь какого лешего забыл?

– По работе я здесь, брат, по работе.

– Найдешь время со мной бутылочку раздавить? Заодно и расскажешь, как в челноки подался.

– За бутылочкой обязательно расскажу, дай только своих на ночлег устрою.

– Нет уж, начнется беготня вокруг невесты – нормально не посидим. Сейчас все организуем. Штык, Чита, закругляйтесь с проверкой. Отвести гостей на станцию, устроить с комфортом. Я покамест дежурство подхватю. На обратном пути ко мне в хату загляните, знаете, где я пузырь держу?

– Пузырь с меня, – шепнул меднобородый. – Успеет завтра вашей сивухи нахлебаться.

– Отставить пузырь, – согласился Дед. – Гости устроите, отдых три часа – и на пост.

Пришлые расходились неохотно. В иной ситуации торговый люд проявил бы поспешность, чтобы как можно быстрее оказаться на станции и устроиться на ночлег. Сейчас же все были заинтригованы. Неожиданная встреча старых приятелей предвещала много интересного: воспоминания, старые, но забытые байки, новые сплетни, да и просто посиделки у костра за бутылочкой горячительного.

– Тебе не показалось, что командир от нас избавился? – спросил Николай, когда они отошли от блокпоста, ведя за собой челноков.

– Думаешь?

– Этот тип явно из его прошлого. А прошлое у Якоря мутное, сам знаешь. Не зря он о нем говорить не любит.

– А кто в метро о прошлом любит говорить? – задал резонный вопрос Леонид. – Никто из старожилов не любит. Выживали, как могли. Неудивительно, что им вспоминать не хочется. Это в тебе эмоции говорят. Надурил он тебя с подвеской.

– Уверен? – хмыкнул Штык и достал из кармана изящный крестик.

– Во даешь, – усмехнулся Чита и тут же нахмурился. – Вернешь?

– Мне чужого не надо. – Николай убрал подвеску. – И все-таки Шах этот – подозрительный тип. Дед вроде как удивился, что он в челноки подался. А в эту касту либо с юных лет вписываешься и начинаешь с «подай-принеси», либо уже в зрелом возрасте могут родичи с друзьями подтянуть, но свое место не уступят. Этот же у челноков – за главного.

– Чего гадать, управимся – и обратно. Они к тому времени осоловеют. Глядишь, что-нибудь интересенькое и узнаем. – Чита, чертыхнувшись, пошатнулся и устоял, только схватившись за плечо друга. Из-под ног с писком разбежались крысы.

– Совсем ошалели, серые. – Леонид проводил грызунов лучом фонарика. – Под ноги лезут.

– Или мы им дорожку перешли, – предположил Штык, – это как посмотреть.

Глава 2. Побег

– Якорь, твои вернулись! Ну-ка, молодежь, давай штрафную!

Шах плеснул в складной металлический стаканчик водки и протянул Николаю.

– Игорь, куда! Никаких штрафных, они и так проштрафились. – Дед перехватил стаканчик и опрокинул содержимое в себя. Бросил следом кусочек сушеного гриба. Поморщился, протолкнув водку в пищевод одним глотком. Секунду спустя сладко зажмурился.

– Да ладно тебе, за встречу! – Шах пьяно икнул и снова наполнил стаканчик.

– Им-то чего за нашу встречу пить? – Волков вновь попытался сцапать стаканчик, но меднобородый увернулся и осушил его одним махом.

– Нельзя, значит, нельзя, – слегка качаясь, он по-детски пожал плечами. – Якорь такой, скажет – как отрежет. Поэтому мы его так и прозвали. Он слова на ветер не бросает. И за слово твердо держится, как корабль за якорь.

– На службе во флоте? – спросил Штык.

– Не, флот – это когда было, – протянул бородач, – мы тогда не были знакомы. Когда Альянсу служили, тогда погремухи друг другу и дали.

– Альянсу? – в один голос переспросили Леонид и Николай.

– Штирлиц хренов. Мюллера на тебя нет. – Дед отобрал у приятеля бутылку. Водки в бутылке, явно добытой на поверхности, оставалось на самом доньшке.

Шах протянул ему свой стаканчик, но Якорь отрицательно помотал головой.

– Хватит, уже за языком не следишь.

– А я что? Я ничего. – Речь Деда, словно ушат холодной воды, вылитый за шиворот, отрезвила торговца и привела его в чувство. – Всегда, как выпью, настроение у меня ностальгическое.

– Ты не рассказывал про Альянс, – осторожно начал Чита.

– Нечего рассказывать, – отрезал тот. – Я после Катастрофы на Выборгской спасся. Как жизнь устаканилась, стала пресной и предсказуемой, приключений захотелось. Короче, ушел в наемники на заработки. Приморцам служил. Вот и вся история.

– Почему не говорил? – поинтересовался Штык.

– Ни к чему. Смутное времечко было, крови много. Мне – душу беречь, вам – лишние думки в голову грузить. Это со стороны кажется – романтика, а на деле грязь и кровь. Лучше бы на Выборгской сидел. Хозяйством бы обзавелся, женился. Да ну его, если бы да кабы...

Он махнул рукой. Засобирался, толкнул успешного задремать Шаха. Тот принялся собирать свой баул.

– Ключом не щелкать, – велел перед уходом Дед, – день сегодня важный. С поста не отлучаться. На станцию не соваться. Свадьба на три часа назначена. Все, мужики, бдите.

– Ни хрена себе. – Николай смотрел вслед удаляющемуся Якорю. – Дед наемником был...

– Сказал, что жалеет.

– Перед нами сожаление разыгрывает, типа, воспитывает. Чтобы мы со станции никуда не рванули. Уверен – выпадет ему шанс прожить жизнь заново, он бы ничего не поменял.

– А что бы ты изменил в своей? – Леонид внимательно посмотрел на приятеля.

– Ушел бы в дигтеры, – уверенно ответил Штык. – Или в наемники. Не хочу я так жить. До беззубой старости на ферме пахать, не разгибаясь, да в дозоры ходить, челноков встречать. Байки их слушать про то, как на других станциях живут, представлять это все и не иметь ни малейшего понятия, как там все на самом деле. Это тебе книжек хватает, а у меня, может, воображение плохое. Я хочу своими глазами увидеть метро, узнать, как живут слепцы на Проспекте Просвещения, хочу услышать пение ангелов с Пионерской, заглянуть в разлом между Владимирской и Пушкинской. В нем, говорят, огонь горит...

– Врут, мне рассказывали про разлом...

– Мне тоже много чего рассказывали. Мы только и делаем, что рассказываем друг другу байки и сплетни. Этот тому рассказал, тот – другому, третий додумал, четвертый присочинил. Это не жизнь. Как тот супчик из пакетика. Знаешь, почему он не портится, а похлебка скисает за пару дней? Потому что ненастоящий это супчик, видимость одна. И насыщения от него нет. Ничего там нет, и портиться нечему.

– Штык, ты чего завелся?

– Ты спросил, я ответил.

– Никто же тебя не держит на станции. Хочешь – в диггеры попробуй. Ладно, у нас их нет, но на Площади две бригады на поверхность ходят. Попросись в обучение. Хочешь, с Дедом вместе поговорим? У него связи.

– Пойдешь со мной? – Николай взял друга за грудки и притянул к себе. – Пойдем вместе? К этим диггерам, а?

– Я... – Леонид попятился. – Я не могу... у меня мамка болеет, сам знаешь.

– Мамка болеет, – Штык разом сник, отпустил друга, расправил скомканную куртку, – а у меня батя совсем плохой стал. Просыпаюсь ночью – его в палатке нет. Искать бросился, а он в туннель ушел спать. От кашля задыхается и кровью харкает. Я стал расспрашивать. Оказалось, каждую ночь, если я не в дозоре, как кашель пробирает, он уходит в туннель, чтобы не мешать. Доконала его лучевая. Не уйду я никуда. Но и книжки твои читать не буду, – непоследовательно добавил он, покосился на мешок с песком, на котором рядом с масляной лампой лежала открытая книга. Пнул мешок, но тот покорно принял удар, едва вздрогнув. – К черту такой супчик. Лучше голодным остаться.

После этих слов Николай принялся ходить взад-вперед, погруженный в тяжелые раздумья. Чита попытался вновь завязать разговор, но Штык делал вид, что не замечает попыток друга. Тогда Леонид оставил его в покое, и, привычно усевшись на свое ложе, сложенное из нескольких набитых песком мешков, ржавого прогнившего ведра и пары отшлифованных штанами дозорных досок, взял в руки книгу.

В слабом свете масляной лампы видна была обложка, на которой был изображен мужчина в камуфляжных штанах. Лицо его было разрисовано краской, длинные черные волосы перехвачены красной лентой. Мужчина красовался голым мускулистым торсом, испещренным шрамами. В руках он сжимал гранатомет. Над его головой нависла ядовито-красная надпись: «Рэмбо. Первая кровь». Спустя пару минут дозорный забыл все и вся, погружившись в чтение с головой.

На станции стали загораться костры, используемые в качестве единственного источника освещения. Народ просыпался. Стали складывать и убирать палатки, оставляя лишь ряд с края платформы, предназначенный для дневного отдыха сменившихся дежурных.

Через несколько часов, после завтрака, закипела работа: забегала ребятня, выполняя мелкие посильные поручения; потянулись дежурные на ферму и кухню, на которой, в честь предстоящего торжества, предстояло работать в несколько смен. Бригада рабочих скрылась в подстанционных помещениях, прилегающих к ферме, чтобы выяснить, откуда в них взялась вода, откачать ее и по возможности устранить причину протечки.

Мимо блокпоста прошли девушки и парни, направляясь в запертый санузел. Штык отдал им ключ. Молодежь принялась набирать воду в ведра для разных нужд. Девчонки беззлобно подтрунивали над наказанными дозорными. Мол, не танцевать вам с нами на свадьбе дочери коменданта. Парни, которых по малолетству еще не ставили в дозоры, с плохо скрываемой завистью поглядывали на оружие дежурных. Оружия на Выборгской было немного, потому даже старенькая вертикалка Леонида вызывала у них восхищение.

Чита, зачитавшись, среагировал, только когда Штык больно ткнул его кулаком в плечо.

– Ты чего? – спросил Леонид недовольно.

– Я подвеску Шаху так и не отдал. Глянь за туннелем, смотаюсь на станцию быстренько.
– С ума сошел? Дед увидит – шкуру спустит.
– Не увидит. Шах уже, наверное, торговать начал. У меня все равно на подвеску не хватит. Может, продаст кому. Если не веганцы, так наши купят. Хоть на станции останется, а там как-нибудь и перекуплю.

– Давай только быстро, – согласился Чита, – и по сторонам смотри, на командира не напорись.

Штык оставил Леониду автомат и попытался отобрать книгу, но друг не отдал. Однако демонстративно запихнул ее за пазуху, пристроил за спину свой ИЖ и с автоматом в руках стал прогуливаться по туннелю, наблюдая за молодежью, перетаскивающей воду. Удовлетворенный Николай убежал на станцию.

Миновав ответвление, ведущее к санузлу, Чита развернулся и успел заметить, что в коридорчике скрылись две девушки и человек в капюшоне, державшийся чуть позади. Дозорный обратил внимание, что за спиной у последнего – плотно набитый рюкзак.

Немного поразмыслив, Леонид прошел в сторону блокпоста, насвистывая незамысловатый мотивчик. Лишь миновав ответвление и пропустив вперед себя девушек с ведрами, он резко развернулся и вскинул автомат.

Человек с рюкзаком, незаметно вышедший в основной туннель за спиной дозорного, бесшумно крался вдоль стены, удаляясь от станции. Чита передернул затвор, заприметив, куда вылетел неиспользованный патрон, и внушительно произнес: «Стой, где стоишь!»

Нарушитель остановился. Не оборачиваясь, слегка наклонил голову, будто бы оценивая степень угрозы боковым зрением. Видимо, посчитав угрозу незначительной, сделал несколько шагов.

– Еще шаг, и я стреляю! – Леонид, не решившись вхолостую выщелкивать еще один патрон, медленно пошел вперед. – Снять капюшон!

Человек стал медленно разворачиваться, поднял руки к голове, чтобы стянуть капюшон, и вдруг молниеносно бросился на Леонида. Воспользовавшись замешательством дозорного, он преодолел разделяющее их расстояние в несколько прыжков и пнул того в пах. Чита успел уклониться от удара и резко ткнул обидчика стволом «Ублюдка» в грудь. Затем, подняв ствол кверху, выстрелил. Нарушитель отшатнулся, оглушенный, и покорно замер на месте. Затем все-таки стянул капюшон.

– Совсем охренела? Будешь лягаться – пристрелю! – Леонид поднял автомат, всем своим видом выражая серьезность намерений.

– Прости, не признала. – Девушка натянуто улыбнулась, плотно прижала ладони к ушам, затем резко убрала. – Ты вообще-то в меня стрелял. В ушах звенит.

– Крис, я в дозоре! – Чита обернулся. Туннель опустел. Неожиданный выстрел мигом разогнал работников. – Ты что творишь? Бежишь со станции?

Кристина не ответила. Озвучивать очевидное не было смысла. Рюкзак за спиной и добротная одежда: плотные штаны и мешковатая брезентовая куртка говорили сами за себя.

– Ты напала.

– Я не хотела, испугалась. Поняла бы, что это ты – не сопротивлялась бы, а просто ушла. Леонид не нашелся, что сказать.

– Я пойду, меня уже ищут. Выстрел слышали. – Кристина поправила лямки рюкзака, сунув под них большие пальцы, и стала пятиться мелкими шажками. – Скажи, что я напала сзади, из сортира, и оглушила тебя, потом побежала. Ты стрелял, но я ушла в вентиляционную шахту.

– Ты не уйдешь, – тихо произнес Чита.

– Нет, конечно, через шахту не уйду, – кивнула Кристина, – но пусть и ее проверят, это даст мне время. А тебе могло просто показаться. Спасибо. Может, еще свидимся.

Девушка развернулась и пошла вдоль стены, будто и впрямь намеревалась дойти до вентиляционной шахты и скрыться в ней от преследователей, чьи фонари уже разрезали тьму туннеля далекими дрожащими лучами, с каждой секундой становящимися все ярче и плотнее.

Кристина говорила с полной уверенностью в том, что ее указания будут исполнены, которая присуща только опытным гипнотизерам или комендантам станции. И если во владении гипнозом девушка замечена не была, то к коменданту станции имела самое прямое отношение.

Леонид с полминуты смотрел вслед удаляющейся дочери коменданта, которая через несколько часов должна была выйти замуж, заключив столь удачный для независимой Выборгской союз. Потом, стряхнув оцепенение, вызванное уверенным тоном девушки и не менее дерзким поведением, дозорный припустил следом.

Кристина, как показалось Леониду, была немало удивлена тем, что он посмел послушаться ее. И все же она довольно быстро сориентировалась в обстановке. Сообразив, что дозорный не собирается применять оружие, девушка выхватила из-за пазухи пистолет.

– Я стреляю! – крикнула она, медленно взводя курок и мешкая с выстрелом. Затем, чертыхнувшись, бросилась бежать.

Чита догнал ее и схватил за тонкое запястье. Девушка вскрикнула и, выронив пистолет, принялась брыкаться, пытаясь высвободиться. Леонид пошел навстречу приближающимся людям, сильными рывками таща за собой Кристину.

– Отпусти, да отпусти же! – кричала та, упираясь, тщетно пытаясь вырваться, – прошу, Чита! Я не хочу за него замуж. Не могу!

– Крис, перестань, что за блажь? – Леонид сильно дернул девушку за руку. Его злила нелепость ситуации.

– Ты слышал, что веганцы творят с людьми? Отпусти или... уйдем вместе?

Дозорный остановился. Впереди – бегущие люди. Наверняка начальник охраны Борис, дядя Кристины, который заправлял станцией в отсутствие ее отца. Его приближенные. И веганцы. Позади – вентиляционная шахта и туннель. Если сбить решетку, возможно, преследователи поверят, что Кристина попыталась выбраться через шахту. Если они с девушкой припустят по туннелю со всех ног, то метров через сто скроются за поворотом. Успеют они пробежать сто метров?

– Что тебя держит? – Кристина, уловив настроение Леонида, попыталась закрепить успех. – Уйдем вместе.

– У меня мать, – ответил тот.

– Выборгскую не должны присоединить к Империи.

– Это не нам решать, – покачал головой Леонид, припомнив недавний разговор с Дедом.

– Нет! – Девушка, разозлившись, выдернула свою руку и выпрямилась во весь рост. – Мне решать! Меня выдадут замуж, меня заберут в Империю! Меня, понимаешь? Пойдем со мной! У меня есть друзья, нам помогут!

Она неопределенно мотнула головой куда-то вверх. Наверное, имела в виду друзей на других станциях, но получилось так, будто бы Кристина ожидала помощи с поверхности.

Дозорный молчал. Преследователи были совсем рядом. Еще немного – и бежать будет бесполезно. Еще чуть-чуть – и все решится само собой. Кристина тоже понимала это.

– Умоляю тебя! – Девушка чуть не плакала, нервно прикусывая губы. – Ты же читаешь эти свои романы! Неужели не хочется, чтобы все было как в книге? Бросить все и уйти навстречу приключениям? Утереть нос веганцам.

Леониду очень хотелось поддаться на уговоры, схватить Кристину под руку и рвануть прочь по туннелю, оставляя позади Выборгскую, веганцев, дурацкую свадьбу, опостылевший блокпост и ферму, однообразную череду серых дней, с течением времени слившуюся в сплошную, неразрывную ленту эскалатора, вяло ползущего в однотонное серое завтра.

Жаль расставаться с Николаем, но он поймет. Кто-кто, а Штык, будь он сейчас на его месте, точно убежал бы вместе с девушкой. Не хотелось разочаровывать Деда, но и он поймет. Наемник, Альянс. Кто бы мог подумать? Даже прагматик Якорь – и тот в свое время ушел со станции, когда в душе запульсировала романтическая жилка. Высокий потолок туннеля, неошутимый в темноте, при приближении света казался низким, давящим.

– Я не могу, Крис... – выдавил сквозь зубы Чита, – не могу.

Его затошнило, будто бы тот самый сублимированный супчик, с которым Николай сравнил эффект от книг, просился наружу.

– Трус, – скривила Кристина губы в горькой усмешке, – жалкий трус, слабак.

Леонид не слушал упреков и оскорблений, которые на него изливала Кристина. Он вновь цепко схватил ее и потащил навстречу преследователям. Впереди всех бежал Штык. Следом – трое веганцев. За ними – охрана Выборгской со своим шефом.

Николай, первым оказавшись рядом с девушкой, мельком взглянул на Леонида, взял Кристину под вторую руку и кивнул подошедшим веганцам.

– Все в порядке, я же говорил, наш блокпост не пройдет.

Веганцы, которые на этот раз не скрывали лиц под масками, отодвинули дозорных от девушки, заняв их места.

Запыхавшийся Борис подошел к племяннице и, не произнося ни слова, ударил по лицу. От хлесткой пощечины голова Кристины откинулась назад. Казалось, девушка на несколько секунд потеряла сознание, безвольно повиснув в руках веганцев.

Борис, похожий на загнанного в угол перед забоем борова – толстый, красный, потный, запыхавшийся, при каждом вздохе вздрагивал всем телом. Начальнику охраны, привыкшему отдавать приказы и строго наказывать за их неисполнение, а не носиться в поисках беглянок по туннелям, погоня явно не доставила удовольствия.

Он вновь замахнулся, но веганец, стоявший рядом, перехватил его руку.

– Почему не приставили к ней человека?

– Я... Она... Откуда же я знал, что сбежать захочет? – Борис гневно посмотрел на племянницу.

Николай то и дело натывался взглядом то на виноватое лицо Читы, то на покрасневшее, с пунцовым румянцем на щеке, лицо Кристины. Девушка прожигала глазами дядю. Леонид сосредоточено изучал обшарпанные мыски ботинок. Заметил пистолет, оброненный Кристиной, поднял и сунул в карман.

Веганец пожал плечами, не желая продолжать разговор.

– Ситуация была под контролем, мои же люди ее и остановили. – Борис кивнул сам себе и продолжил, обращаясь к таможенникам: – Молодцы. Дед сказал, он вам по наряду вне очереди влепил? Отставить, заслужили на свадьбе погулять. Вас сменят.

Дозорные плелись за уходящей к станции процессией, когда Штык спросил: «Почему ты ее не пропустил?»

Вопрос прозвучал неожиданно. Леонид сразу уловил настроение товарища, но не ожидал, что тот заговорит на столь опасную тему вот так, прямо.

– Молодец, от наряда отделался, еще и на свадьбе погуляешь, – обронил Николай.

– Тебя тоже пригласили, – не сдержался Чита, – сам-то бежал впереди всех.

Друг остановился, преградив ему путь.

– Я, когда на станции кипиш начался, заставил их до эскалаторов пробежаться. Сказал, что видел Кристину бегущей в том направлении. Ты мог ее просто пропустить! Утерли бы нос зеленым.

– Я не знал, как лучше. – Леонид потупил взгляд. – Это политика.

– К черту! Какая политика! Веганцы к нам пришли, а не мы к ним. Я лично с ними в союз не напрашивался, и Кристина тоже. Они договорились с комендантом и ее, словно свинку морскую, купили, не спросив ее желания. И мы это терпеть должны? Ты серьезно?

– Я испугался, – пробормотал Чита.

– Чего?

– Я испугался, – повторил тот. – Они бы меня догнали, они – профессионалы. Убили бы на месте, а Кристину... наказали бы.

– О как! – Николай разглядывал друга, пытаясь уложить полученную информацию в голове.

Леонид ждал его реакции. Стоять в молчании было невыносимо.

– Прости, я знаю, она тебе нравится. – Чита замешкался, припоминая место, куда упал неиспользованный патрон, завозился в темноте.

Ответа не было. Леониду очень хотелось, чтобы друг сказал хоть слово, пусть даже и одно из тех, которыми его обзывала Кристина. Нужное слово нашлось. Такое, что Чите вмиг захотелось провалиться прямо под бетонный пол.

– Забей, – выдохнул Штык, забирая свой автомат, и, нащупав за пазухой у друга книгу, ухмыльнулся. – Пойдем, Рэмбо.

Глава 3. Свадьба

Выборгская – небольшая станция. В январе 2033 года комендант решил устроить перепись населения. Идею подбросил Якорь. Он же предложил завести сразу несколько амбарных книг, которые появились в ходе товарообмена с Петроградской, и, не жалея бумаги, записывать любую информацию о жителях, которую только они могут о себе сообщить.

Так, помимо обязательных граф: фамилия, имя, отчество; дата рождения; род занятий; семейное положение, жители Выборгской могли записать в амбарную книгу свой знак городского, адрес и род занятий до Катастрофы, полезные навыки, которые они могут использовать на благо станции. Перепись показала, что по состоянию на январь 2033 года население Выборгской составляет 303 человека.

В то время как жители станции собирались на торжественное мероприятие, Леонид, уже занявший место за накрытым столом, разглядывал их. Дед рассказывал, что в метро есть станции, население которых достигает тысячи человек. Чите такое количество народа трудно было представить.

Жители станции редко собирались за общими столами. Даже если намечался праздник – свадьба или пополнение семейства. Дед говорил, что раньше праздников было много, например, дни рождения справляли каждый год. Кто-то когда-то пытался ввести эту традицию на Выборгской, но обычай не прижился.

Леониду тоже было непонятно – зачем отмечать каждый год? День рождения отмечают, когда ты появился на свет. Когда действительно есть повод для радости: пополнение на станции – это, конечно, лишний рот, но и дополнительная пара рабочих рук в будущем. Праздновать же день рождения каждый год – непозволительная роскошь. Поэтому отмечали только первый день рождения и свадьбу. Впрочем, и тогда не принято было собираться всем вместе.

Молодожены или отец новорожденного, если была такая возможность, проставлялись, но только для ближайших родственников и друзей. Начальство – коменданта и Бориса – естественно, тоже звали. Еще – десяток особо набожных старух, те могли и доброй молитвой новорожденного благословить, и мудрую притчу о семейной жизни в наставление молодоженам рассказать. Также приглашали Якоря и еще пяток старожилов, которые могли поддержать интересную беседу, поведать о былых временах.

На этом список приглашенных заканчивался. И без того выходило больно накладно. Сейчас же на торжество собирались буквально все. Такого праздника на Выборгской еще не было.

Комендант с ближайшей свитой находился в командировке. По слухам, отправился не то на Петроградскую, не то на Чернышевскую для решения торговых вопросов. На деле же, видимо, просто не хотел участвовать в предстоящем представлении, вот и выгребал угли чужими руками.

Комендант со свитой – это человек десять, прикинул Леонид. Челноков в отлучке тоже не считаем, минус еще тридцать. Детей до двенадцати лет, которых, чтобы не болтались под ногами, на праздник пустят лишь в конце, когда все разойдутся – около сорока. Молодежь постарше занята на побегушках. Человек пятнадцать-двадцать – лежачих или заразных больных. Еще двадцать заняты на дежурствах. Итого, за праздничными столами, в роли которых выступали здоровенные деревянные кабельные барабаны, собралось чуть меньше двух сотен человек.

Народ занимал места, стараясь либо присоединиться к родне и друзьям, либо оказаться поближе к лакомствам. Стульев не было – стоять за импровизированными столами было в разы удобнее, чем сидеть. Да и не нашлось бы на Выборгской такого количества стульев.

Еще народ присаживался к кострам, где жарили мясо, готовили наваристую похлебку, начинали уже уничтожать свои запасы спиртного, так как команды откупорить общественные пока не поступало.

Чита занял место практически в центре платформы, за столом, где предстояло угощаться также и жениху с невестой. К столу его подвел личный охранник Бориса, освободил ему место, предварительно вытащив из-за стола за локоток плюгавенького мужичонку.

Мужичонка оказался местным ростовщиком. Надо думать, дела у Бориса сейчас идут хорошо. Если бы он был в долгу у ростовщика, его охранник таких вольностей не допустил бы. Впрочем, если верить слухам, они все скоро заживут на широкую ногу – стоит только свадебку сыграть. Поэтому на предстоящем торжестве решили не экономить.

Помимо угощения, была запланирована и развлекательная программа. В центре платформы располагалась высокая, узкая конструкция из металлических трубок.

Леонид вспомнил, что они использовали конструкцию, когда по потолку туннеля, ведущего к разрушенной Лесной, побежала паутинка трещин. Трещины выборжцы заделали – как ему показалось, не очень качественно, скорее для собственного успокоения, чем для укрепления ненадежного потолка. Сейчас же конструкцию явно собирались применить не для строительных работ. Оставалось только гадать, кто будет выступать на этой самодельной сцене.

За спиной горел костер, вокруг которого расселись мужики. По рукам у них ходили несколько кружек с сивухой. То ли сивуха была невыдержанная и крепкая, то ли мужики сидели давно, но разговоры там велись откровенные.

– ... заживем, мужики, заживем! – донесся хриплый голос. – Комендант как раз в Империю и отправился. Чай не дурак. Все как полагается. Из рук в руки. Пока тут свадьбка идет, он там за невесту выкуп получает.

– Не гони, комендант на Петроградке. Я в техническом дежурил, когда он уходил. Быстренько так отчалил. Торопился.

– Ага, небось как раз дочурке и сказал, что замуж выдает...

– Точно! И бежать, пока эта бестия ему глаза не выцарапала!

– А что, она может. Фурия, а не баба!

– Да пусть и не в Империю уехал, я не об этом, – снова раздался хриплый голос, – заживем, как раньше не жили, вот что главное.

– Дело говоришь. Надо коменданта надоумить первым делом дизелем обзавестись. При свете оно как-то и жить веселее.

– Петрович, да тебе при свете ни одна баба не даст!

Все заржали. Даже сам Петрович надсадно загоготал. Леониду стало неуютно от этих разговоров. Как же так устроен человек, что всегда все понимает, но очень редко может набраться сил и смелости что-то изменить?

Взять, к примеру, этих болтунов. Веганцев недолюбливают и побаиваются. Кристину уважают. За глаза называют совестью коменданта.

Чита сам был свидетелем тому, как несколько раз дочь противилась отцу и удерживала его от принятия оправданных с точки зрения выживания, но крайне жестоких решений. Да что там – свидетелем! Если бы не девушка, мать Леонида так и померла бы на той дрезине, которую отправили в сторону Лесной, среди заболевших неизвестной и неизлечимой лихорадкой. Только благодаря Кристине, организовавшей в туннеле около Лесной лепрозорий, а также врачам с Площади Ленина, услуги которых оплатила девушка, лихорадку удалось победить, а излечившихся вернуть обратно на станцию.

И все равно, несмотря на отношение к дочери коменданта, никто не осмелится ничего предпринять. Впрочем, не ему об этом размышлять. Чита вдруг подумал, что он не должен был находиться на блокпосте. Он был там из-за какой-то нелепой череды случайностей – инцидента с зелеными, челноков, Шаха и его подвески.

Если бы ничего этого не было, на его месте мог бы быть Николай. Или, к примеру, Еж, еще один воспитанник Деда из охраны станции, который, как и большинство парней, был влюблен в Кристину. Будь на его месте кто угодно другой – дочери коменданта уже не было бы на станции.

Правда, будь с ней Еж, вряд ли им удалось бы уйти далеко. А вот Штык – другое дело. Метр восемьдесят роста, косая сажень в плечах, вес под девяносто кило. Не родился он в такой глуши, мог бы и диггером стать. Даже шрам над глазом, которого Николай стеснялся, считая уродством, выглядел так, словно парень принес его из залаза.

Кстати, куда он пропал? Договорились же оружие сдать в оружейку, на часик разойтись по домам – и сюда.

Раздался струнный перебор. Играли хорошо, с чувством, держа ритм. Пели еще лучше.

*С самого утра, Маня. Дождик из ведра, Маня.
Только Маня с нашего двора весела-бодра...¹*

Чита с интересом прислушался к незнакомой песне. Текст пока что не предвещал беды, но настроение певца было отнюдь не праздничным – пели с надрывом, делая сильный акцент на имени героини, будто призывая ее одуматься.

Леонид отвлекся от песни, увидев Николая, который шел пьяной походкой, раздвигая толпу широкими плечами и врезаясь в нее, как сказал бы Дед, сродни ледоколу, разрезающему скопление льдин. Увидев машущего товарища, Штык помахал в ответ. Пробрался к приятелю, обнял за плечи. Дыхнул в лицо едким сивушным выхлопом.

– Ты где набрался? Все в порядке? – Чита с тревогой всматривался в раскрасневшееся лицо друга.

– Отлично, с Бариним пересекаюсь, дернули за праздник по стопарику.

– Давай, закусывай. – Леонид придвинул небрежно выструганную плошку с солеными грибами.

Штык бросил в рот горсть грибов, аппетитно захрустел, прислушался к голосу певца, который заканчивал песню с максимальным надрывом. Отстучал по столу ритм и потянулся к закупоренной сургучом бутылке.

– Куда? – Леонид схватил друга за руку. На них покосились. – Молодоженов ждем.

– Вот они, – указал Николай взглядом в нужном направлении, взял со стола нож, принялся с азартом ковырять сургуч.

Если Штыку приходилось протискиваться сквозь толпу, то перед молодоженами народ расступался, словно бы перед больными проказой.

Впереди шел жених. Разгрузки и маски на нем уже не было. В остальном он ничем не отличался от своих телохранителей. Черные тактические штаны с множеством карманов и регулируемой шириной штанин, черная куртка а-ля «Пилот» с высоким воротом и вставками текстильных застежек-репейников, на которых были прилеплены нашивки с отличительным знаком Империи – белой V на зеленом фоне.

Леонид прочел немало женских романов, которые ходили по рукам. Этого чтива в метро хватало. Видно, спасибо стоило сказать пассажирам, ехавшим в день Катастрофы с книжкой в руках.

Если использовать лексику женских романов, Чита описал бы Эдуарда Власова как высокого мужчину средних лет, яркой аристократической наружности: длинное лицо с высоким, прямым лбом, тонким носом с легкой горбинкой, узким подбородком, тонкой линией бровей и губ. Длинные, ухоженные черные волосы зачесаны назад, виски чисто выбриты. Лицо,

¹ Пархоменко С. В. (Сергея). «Манькина свадьба».

болезненно-бледное, избавлено от растительности. Взгляд голубых глаз настолько пронзительно-острый, что даже в полумраке станции притягивал внимание, словно гипнотизируя.

Невеста по сравнению с лоснящимся, ухоженным женихом выглядела так, будто для нее это была уже десятая свадьба на сегодня. Уставшая, заплаканная, с красными глазами. Несмотря на это, мужская часть населения разглядывала девушку с интересом.

Кристина была красива. Глубокий взгляд карих глаз, загорававшихся озорным блеском, когда девушка была в приподнятом настроении, колючий ежик черных волос, ямочки на щеках и подбородке, чуть вздернутый носик.

Она была одета в свадебное платье, которое специально для такого случая выписали с Петроградской. Платье было застиранным, штопаным, и имело цвет скатерти, на которую часто проливали чай, но все же привлекало восторженное внимание окружающих своей вычурностью. На шее у невесты зеленоватыми отсветами поблескивало кольцо. Юркий торговец драгоценностями ошивался тут же, видно, заслужив качеством товаров место у барского стола.

Под руку невесту вел Якорь. Все-таки после инцидента с побегом Борис приставил к ней человека для охраны. Причем выбор был очень верным. Впрочем, дядя Кристины часто прислушивался к советам Деда и уважал его за смекалку. Пожалуй, это был один из немногих талантов, которыми Борис прославился наряду со своей жестокостью и жадностью – держать при себе нужных людей и поступать согласно их советам, даже вопреки собственному самолюбию.

Якорь вполголоса разговаривал с Кристиной. Та реагировала эмоционально, то вспыхивая, словно спичка, то угасая. Периодически косилась на жениха и едва заметно кивала. Леонид засмотрелся на лицо девушки, когда его пихнули под ребра.

– Давай, за смелость. – Николай протягивал ему кружку с сивухой. Леонид, увлекшись созерцанием молодоженов, прозевал момент, когда Штык откупорил бутылку. Судя по косым взглядам окружающих, тот успел не только откупорить самогон, но еще и опорожнить стаканчик в одиночку.

– За честь и отвагу, – повторил Николай, будто бы сомневаясь, что его шпилька угодила в цель, и опрокинул в себя мутную жидкость, – вздрогнем.

Чита демонстративно отставил кружку, которой тут же завладел подошедший Шах. Торговец выглядел довольным.

– Щедрые ребята эти веганцы.

– Пыль в глаза пускают, – доверительным шепотом сообщил Николай и икнул, – образ создают. Эту, как его... репутацию. Стоит расслабиться, они нас всех на опыты пустят. Мы для них – живые грибочки, вот кто. Небось, разглядывают каждого и думают: вот этот неплохой грибочек стал бы, а вот у этого черепушка мелкая, там много грибов не вырастишь.

– Тебя с чего так развело, друже? – Шах пододвинул бутылку с сивухой к себе.

Штык отмахнулся и отвернулся, что-то достав из-за пазухи. Молодожены, занявшие место за столом, расположились на высоких стульях, предоставленных станционным баром. Борис с личными охранниками и еще пара уважаемых на станции человек окружили стол.

Торжество началось. По знаку Бориса его люди расчистили место рядом со сценой. Народ растекся в стороны. В глаза бросался огромный ковер перед сценой – грязно-зеленый, с заплатками.

От толпы незаметно отделился силуэт. Судя по изящной фигуре – не то подросток, не то миниатюрная девушка. Незнакомый быстро, ловко и незаметно забрался по металлическим перекладинам сцены на самый верх. Кто-то зажег фонарик и направил туда. Тень ловко изогнулась и нырнула под одну из перекладин, на несколько секунд оказавшись в свободном полете.

Человек с фонариком вышел вперед. Им оказался двухметровый громила с бугрящимися мышцами. Громила вновь направил фонарик на гибкую тень, которая выскользнула из луча изящным пируэтом, нырнула между двумя перекладинами, схватилась руками за третью, рас-

качалась и запрыгнула на самый верх, на настил из длинных, гибких досок. Толпа подхватила игру и принялась светить фонариками на акробатку. Теперь Леонид уже мог разглядеть ее как следует.

Женщина лет тридцати, в обтягивающем трико. Довольно симпатичная, с вдохновенным лицом, сосредоточенным и увлеченным. В ответ на аплодисменты она дарила толпе искреннюю улыбку. Громила убрал фонарик, поднял перемотанный изолентой старенький магнитофон и включил громкую, торжественную музыку.

– Разрешите представить вашему вниманию, – заголосил великан зычным басом, указывая на акробатку. – Несравненная Элеонора!

Немного понаблюдав за цирковым представлением, Борис произнес несколько тостов, выразив надежду на благоприятное для всех сторон сотрудничество. Затем молодоженам стали дарить подарки.

Собравшиеся за столом подались вперед, разглядывая дары. Лишь Николай остался на прежнем месте, держа руки под столом. Чита заглянул под стол и обнаружил плоскую фляжку, содержимое которой товарищ наливал в маленькую металлическую стопочку.

– Да хорош бухать! – гаркнул Леонид над самым ухом друга так, что тот дернулся, плеснув мимо стопки.

– Напугал, блин. – Штык с сожалением оценил количество пролившейся жидкости и поставил стопку на стол. – Жениху хочу преподнести. Серебряная.

– Круто, давай, конечно, – оценил Чита, – а что в стопке?

– Водка, качественная. У Барина отжал.

– Дай-ка заценю водочку. – Шах, услышавший разговор, потянулся к стопке, но Николай схватил ее и убрал подальше.

– Не тебе налить, – отрезал он, – для высоких господ.

– Иди, дари, потом не в тему будет, – подсказал Леонид, наблюдавший за молодоженами.

– Сейчас, сейчас. – Штык тоже смотрел на молодоженов, но в основном – на жениха.

– Угости все-таки водочкой, у тебя же осталось, – произнес Шах, передвигаясь, пытаясь закрыть Николаю обзор.

– Да отвали ты! – Тот держал стопку так, словно боялся, что торговец накинется на него и попробует отхлебнуть водки.

Потеснив бородача плечом, Штык пошел к молодоженам, приняхиваясь к стопке.

– Дебил, – сообщил Шах и, взяв фляжку, оставленную на столе, приняхался.

– Ты чего к нему пристал? – поинтересовался Чита.

– Кто такой Барин?

– По грибочкам спец.

– Дурью барыжит?

– Ну, говорю же, по грибочкам... еще чего-то химичит.

– Химичит? Этот Барин, по ходу, твоему приятелю отраву продал.

– Чего?

– Может твой друг попытаться жениха отравить? – Шах был напряжен, как пружина, готовая распрямиться в любой момент.

Леонид вместо ответа грязно выругался и бросился за Николаем. Бородач кинулся следом.

– Ты чего? – Штык обернулся, когда Чита схватил его за рукав линялого свитера.

– Не надо.

– Надо, – зло произнес Леонид и дернул так сильно, что ветхая ткань с треском разошлась по шву.

Их стычка не осталась без внимания. Под пристальными взглядами личной охраны Власова Николай приблизился к молодоженам.

– Ты что-то хотел? – поинтересовался жених медовым баритоном.

– Принести извинения за ночное происшествие. – Парень глуповато и натянуто улыбнулся, будто ребенок, до конца не осознающий вины, но которому объяснили, что необходимо извиниться. – Примите в знак уважения.

Шах, выскочивший за спиной Николая, словно чертик из табакерки, придержал его за локоть.

– Господин, это недоразумение! – Торговец выглядел виноватым. – Я не знал, что продаю товар для подарка лично вам.

– Ты хочешь сказать, что обманул этого молодого человека? – заинтересовался жених.

– Это серебро, – Николай удивленно покосился на Шаха, – господин, примите...

– Это серебро, – подтвердил меднобородый, – но вот водка... Скажем так, сгодится не для каждого желудка. Если бы этот лоб брал для себя... пей на здоровье, что ему будет? Наверняка и похуже употреблял.

– Я понимаю, что тобой двигало, торговец, – усмехнулся Власов, – и не осуждаю. В твоём ремесле иначе никак. Но не могу допустить, чтобы ты наживался на моих людях.

– Да, конечно. Я все исправлю! Есть у меня бутылочка из личных запасов, вам непременно понравится! – Шах забрал у растерявшегося Штыка стопку и обернулся, ища, куда выплеснуть содержимое.

– Стой! – Жених сопроводил команду повелительным жестом. – Выпей.

– Господин, это дрянное пойло, – растерялся торговец.

– В этом-то все и дело, – пояснил Власов, обращаясь к окружающим.

Люди внимательно слушали, отвлекшись от циркового представления, в ходе которого великан голыми руками гнул арматуру. Все с интересом следили за новым номером в развлекательной программе.

– Будь готов наступить в капкан, расставленный на других.

Бородач обвел взглядом людей за столом, задержался на телохранителях жениха. Один из них, молодой блондин со шрамом через правую щеку, широко улыбнулся: «Давай, давай, не отравя же у тебя там!»

Шах ухмыльнулся, выдохнул и осушил стопку. Зажмурившись, занюхал рукавом. Блондин тут же потерял к нему интерес.

Бородач замер, прислушиваясь к ощущениям. Его замешательство не укрылось от цепкого взгляда Власова.

– Не так плоха водочка, как ты думал? – Жених кивнул на фляжку.

– Я думал, хуже будет.

– Еще стопочка здоровью не повредит? – поинтересовался веганец.

– Не повредит, – согласился Шах.

– До дна, – улыбнулся Власов.

– Не надо! – Николай хотел сказать что-то еще, но меднобородый перебил его:

– Парень, я уже и так поплатился, ты хоть претензий не выдвигай!

Торговец быстро отвинтил крышку фляжки и приложился к узкому горлышку.

– Передай господину, – Шах отдал стопку Штыку, – а я принесу обещанную бутылочку.

– Я не пью, – ответил веганец, принимая подарок. – Садись за стол и держись поближе к моим людям. Вдруг местные не простили тебе твою маленькую шалость? Денис, одного никуда не отпускать, твоя ответственность.

Отдав распоряжение, Власов продолжил беседу с Борисом. Блондин подошел к Шаху и предупредил его, выразительно похлопав по рукояти пистолета, торчащей из открытой кобуры: «Давай без приключений, договорились? И так, считай, повезло. Шеф и за меньшее серьезнее наказывал». Под пристальным взглядом блондина торговец подошел к столу.

Штык, вмиг протрезвевший от адреналина, бурлящего в крови, нервно барабанил костяшками пальцев по столу, не решаясь начать разговор.

– Рассказывай, что там было, – попросил Шах.

Николай вздрогнул и тихо произнес:

– Яд.

– Обидно, я надеялся, что ты не такой дурак, каким кажешься.

– Барин сказал, по вкусу – как водка. – Тот перестал барабанить и сжал пальцы в кулак так сильно, что проступили вены.

– Только убивает быстрее, – произнес бородач. – Что за яд?

– Барина надо спросить.

– Вот что... Как тебя, Штык, что ли?

– Штык. – Николай выглядел пасмурнее осеннего питерского неба.

– Ты – мой должник.

– Я не просил...

– Надо промыть желудок, вызвать рвоту, – начал перечислять Чита. – К Барину сбегать, узнать, что за яд. Может, есть какой способ...

– Власов – не дурак. – Шах поморщился, положил руку на грудь, будто ему трудно было дышать, кивнул в сторону блондина. – Не зря этого приставил. Начну рыпаться – поймет, что его отравить хотели, и тогда нам всем не поздоровится. Да и не успею. В глазах рябит. Я, молодежь, свое на этом свете отжил. Но дела еще не все переделал. Штык, я так понял, ты веганцев не очень жалуешь?

– Правильно понял, – буркнул тот.

– Хочешь им насолить по-крупному? Я тебе предлагаю не аристократов травить, а самому Лорду нос утереть.

– Барин по грибочкам в основном спец, наверняка отвар какой-нибудь бледной поганки, или она так быстро не действует? – размышлял Чита. – Время теряем, я к нему.

– Не суетись и внимание не привлекай. – Бородач придержал Леонида. – Знаешь, умирать не страшно. Страшно не жить. Не любить, не дружить, не драться за то, что тебе дорого, а затаиться тихонько в темном уголке и надеяться, что жизнь со всеми ее невзгодами и опасностями не заметит тебя и пройдет мимо. А она и пройдет, вот только ты уже будешь не рад.

Чита вернулся на место.

– Короче, мужики, дело у меня срочное есть, не законченное по вашей милости, – Шах потер грудь и сморщился, встретившись взглядом с Власовым, который беседовал с Борисом. – Я введу Якоря в курс. Он, конечно, тот еще волк-одиночка, но вы не вздумайте его одного наверх отпускать. Слишком он под землей засиделся. Вы-то, оболтусы, чувствую, не пропадете, если будете вместе держаться. Может, дело и выгорит. Штык?

– Да?

– Ты мне должен.

– Да понял я!

– Вот и не забывай.

Шах, улучив момент, когда блондин отвлекся на циркачей, подошел к Якорю. Дед изменился в лице, когда бородач принялся что-то быстро ему рассказывать.

Не прошло и пяти минут, как блондин обнаружил пропажу и переместился ближе к объекту наблюдения. Шах заметил это и попытался изобразить беспечность.

– Что делать-то? – спросил Николай, нервно теребя колючую щетину на подбородке.

– Ты уже сделал, – огрызнулся Чита. – Ничего мы теперь не можем. Ты не понял? Шах – не просто челнок и пришел к нам не цапки зеленым втюхивать. Он все еще служит Альянсу. И не может привлекать к себе внимание веганцев из-за опасения быть раскрытым.

– И что теперь, умирать из-за этого?

– Значит, считает, что задание важнее.

– Чушь, Власов же поймет, что что-то не так.

– Что он поймет? Только то, что торговец продал тебе паленую водку. А потом, испугавшись последствий, решил рискнуть, авось и пронесет. Во всяком случае, допросить его уже не смогут.

– Нельзя так!

– Раньше думать надо было, моралист хренов.

– Я думал.

– О чем? О том, что Выборгскую ждет, если бы ты Власова отравил, думал? Стали бы его амбалы разбираться, кто прав, кто виноват, или наказали бы всех, кто под руку попадется?

– Я о Кристине думал, – потупил взгляд Штык.

– Серьезно? Да ее бы первую заподозрили.

– Чита... – Николай указал на Деда.

Тот крепко сжал плечо Игоря, будто не желая его отпускать. Лицо Волкова окаменело, побелело. Губы по-стариковски подрагивали, словно он хотел что-то сказать, но не находил слов.

Шах вдруг качнулся, будто бы потеряв ориентацию в пространстве, и стал заваливаться назад. Удивленный взгляд стеклянных глаз зацепился за Деда, который встrepенулся и с трудом удержал друга от падения.

Жених, заметивший это, подал знак блондину.

– А если Власов не поверит в паленую водку? – Штык крутил в руках злополучную фляжку. – Если Шаха будут пытаться?

Едва блондин подошел к Игорю, как тот снова покачнулся и стал падать прямо ему на руки. Тяжело повис, касаясь коленями пола, обхватив веганца за пояс. В следующий момент блондин резко отпустил бородачу и схватился за открытую кобуру на поясе. Пустую кобуру, из которой несколько секунд назад торчала рельефная рукоять «Глока».

Шах приставил к своему виску выхваченный пистолет. Раздался выстрел. На ботинки и штаны блондина плеснуло красным. Игорь упал навзничь, уронив пистолет к ногам веганца.

Толпа загудела, отступила в едином порыве, отхлынула от мертвого тела, не желая иметь с происходящим ничего общего, будто бы считая смерть заразной инфекцией. Высокий силуэт Власова поднялся над толпой, глаза забежали по лицам. Застывшего Леонида схватили под руку, потащили.

– Дед зовет. – Николай буром врезался в кипящий поток людей, втащил за собой друга. Ринулся прочь, вспарывая людскую массу, словно нож, разрезающий слабую, податливую плоть. Через минуту они встретили командира.

– Мы уходим со станции, – не допускающим возражений тоном сообщил Якорь, – быстро по домам, взять самое необходимое – патроны, батарейки, фонарики, запас еды. Я – в оружейку, попробую под шумок раздобыть волюны. Встречаемся у гермы.

Глава 4. Залаз

Леонид спешил. Ему казалось, что его вот-вот окликнут и попытаются остановить. Обычно воображение, словно растопленная печь, в которую он на протяжении всей жизни подкидывал прочитанные книги, согревало его яркими, теплыми картинками. Помогало скоротать скучный долгий караул или позволяло найти силы жить дальше, когда мать отправляли в лепрозорий.

В тяжелые моменты Чита представлял, что его жизнь – книга, которая непременно должна закончиться хеппи-эндом. Если черная полоса затягивалась, он старался прожить очередной день по инерции, ни на что не отвлекаясь, будто бы не коротая свои дни, а пролистывая страницы, на которых герой никак не может выбраться из беды, чтобы как можно быстрее добраться до желаемого счастливого финала.

Сейчас же распалившееся воображение обожгло его сознание столь ярким кадром из ближайшего будущего, что Леонид зажмурился. Закрыв глаза в надежде, что видение пропадет, не сможет пробиться в сознание сквозь плотно сомкнутые веки.

Он будто бы увидел себя со стороны. Бегущего к северному торцу станции парня лет двадцати пяти, среднего роста, узкоплечего, худого, одетого в свободную, поношенную ветровку. Из-под куртки торчал отвисший, потерявший форму ворот свитера. На голову была нахлобучена черная шапка – теплая, но настолько большая, что ее пришлось подворачивать несколько раз. За спиной – большой туристический рюкзак на сто литров. Единственная семейная реликвия, сохранившаяся еще со времен Катастрофы. Давным-давно рюкзак мог похвастаться яркосиней расцветкой. Сейчас он выглядел жалко. Грязный, сменивший яркую морскую синь на хмарь осеннего неба.

Бегущий вдруг обернулся. Страшное лицо. Страшно знакомое, будто каждый день видишь его в зеркале. Страшно чужое, будто кто-то взял каждую знакомую черточку и приложил максимум стараний, чтобы изменить до неузнаваемости. Вот тут скулу перечеркнули шрамом, на левую щеку высыпали горсть мелких ссадин, с правой содрали большой широкий лоскут кожи, на месте которого образовалась сочащаяся сукровицей корочка. На лоб прилепили багровый кровоподтек. Подбородок облепили жесткой щетиной. Потрескавшиеся, разбитые губы искривили злой, ироничной ухмылкой. Впрочем, губы не чужие. Такие же разбитые, как и у Читы после избиения веганцами.

Леонид замер, привалившись к стене. Тяжело задышал, принялся ожесточенно массировать веки, пытаясь избавиться от видения – и оно исчезло. Не было ни чужака, ни бегущих за ним веганцев. Лишь суeta на платформе и разбредающий по хибарам народ, чувствующий приближение беды.

Чита медленно открыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов, попытался осознать, что хотело показать ему разыгравшееся воображение. То, что с ним случится, если он уйдет со станции? А что его ждет, если он останется? Допрос? Не обязательно. Может, и пронесет. Отравленной водкой Власова пытался угостить Николай, а не он.

– Да пошел ты, – прошептал Леонид, обращаясь невесть к кому, цепляясь взглядом за барельеф, изображающий восстание рабочих. Рабочие, вздымая над собой флаг перемен, спешили свершать великие дела, переворачивать ненавистный им порядок, обустривая мир под себя. Рабочие смотрели вперед, не смея оборачиваться, зная, что всегда найдется причина остаться. На Читу они не глядели, будто считая, что он им не помощник в столь важных вещах.

Леониду потребовалось немалое усилие воли, чтобы отлепиться от стены и подавить дрожь в коленях. Каждый шаг давался все легче, и вскоре Чита побежал, быстро преодолев переход к эскалаторам.

Его ждали в конце перехода, у закрытых гермоворот. Заметив Леонида, Николай приветливо помахал. Якорь поманил его к себе указательным пальцем, будто нашкодившего малыша.

– Я прятался, зеленые рыщут по станции, думал, нас ищут, – соврал Чита.

– Быстро в вестибюль! – отрезал Дед, решив отложить нагоняй на потом. Достал связку ключей, полагавшуюся ему по должности заместителя начальника охраны, завозился с замком служебного входа.

– Почему мы не через шахту? – спросил Леонид, тревожно оглядываясь. Выходом давно не пользовались. Ключ с трудом поворачивался в ржавом замке.

– Потому что я не горю желанием, чтобы ты или этот кабанчик мне на голову сорвались.

– Я бы точно не сорвался, – обиделся Штык.

– Ага, – иронично хмыкнул командир, – я и забыл. Ты же у нас – знаменитый акробат. Элеонора и тот силач – твои настоящие батюшка и матушка. Ты от них в детстве отбилсЯ, мы тебя на воспитание и взяли. Но талант не пропьешь. Еле отучили тебя в детстве по вентилям ползать.

– Якорь, блин! – Штык разулыбался. – Что там сложного?

– По сути, ничего, как и в том, чтобы с бабой в постель лечь, но и в этом деле без практики можно хрен сломать.

Чита подобрался. Дед начинал грубить, только когда сильно нервничал. Замок, наконец, открылся, приветливо щелкнув.

– Надеть химзу, – заговорил Якорь, – в вестибюле мы, считай, на поверхности. Фон там небольшой, но есть. Возможно, твари какие поселились. Давненько я туда не выбирался. А кроме меня, никто и не ходил.

Химзу Дед достал из баула, с которым Шах пересек блокпост. Комбинезоны выглядели совсем новыми. Сам он был одет в костюм, который хранился в оружейке на Выборгской, старый и залатанный, но без прорех.

– Шах нам подарочки оставил. С запасом снаряжался, чтоб его... светлая память. Старый лис. Знать, с самого начала хотел меня на дело подрядить.

– Что за дело? – поинтересовался Штык.

– Ваше дело – меня слушать. Тогда, глядишь, и в живых останетесь.

– Якорь, не нагнетай.

– Ты с чем-то не согласен? – Дед неожиданно шагнул к Николаю, облокотившемуся о стену и натягивающему поверх одежды костюм химзащиты. От легкого толчка в плечо тот запутался в штанинах и завалился на бок. – Расклад такой: из-за твоей выходки убили моего друга. Ясен пень, я от этого не в восторге. И все, что могу сделать для Игоря – выполнить его просьбу. Если бы вам ничего не грозило на Выборгской, я бы вас с собой не взял ни за что. Но по воле Изначального, выпал тот самый расклад, при котором оставаться на станции вам нельзя. Если Власов смекнет, что это ты его травануть пытался, всю станцию перероеет, пока не отыщет. Так что, молодежь, давай без иллюзий – мы не бригада дигтеров на вылазке. То, чему я вас научил, с грехом пополам сойдет за учебку, но о поверхности вы не знаете ни хрена. Меня слушать не будете – как пить дать, сдохнете. Усек?

Штык, не ожидавший такого напора, издал какой-то странный звук, который можно было принять за согласие.

– Леня? – Волков припечатал того взглядом к стене перехода.

– Понял.

– Отлично, тогда инструктаж. Дело у нас серьезное, по поверхности нам топать аж в район Политехнической. Ночью мы туда не поспеем. Шах нам кроки свои оставил. – Дед извлек из бокового кармашка баула небольшую, но толстую книжицу в мягкой обложке с ярко-желтой надписью «Карманный атлас Санкт-Петербурга и Ленинградской области». – С полезными пометками. Есть у него безопасное укрытие около Лесной. Там и заночуем. Значит, сейчас в

вестибюль, глядите по сторонам. Первое правило диггера – на поверхности никогда не бывает безопасно. Всегда что-то происходит. Кто-то кого-то жрет. Если мы этого не наблюдаем, значит, этот кто-то ведет охоту. Скорее всего, на нас. Там, наверху, другая экосистема. И человеку отводится ничем не примечательное место в очень длинной пищевой цепочке. Твари одичали и нас уже давно не боятся. Таимся, крадемся, опасаемся. Штык, уловил?

– Че сразу я? – огрызнулся Николай, подтягивая лямки костюма.

– На рожон не лезть, стрелять только по команде. Условные сигналы помните? Радиосвязи нет. Держать друг друга. Постоянный контакт. Никакого геройства. Леня?

– Понял, – кивнул тот и, встретившись взглядом с другом, смущенно опустил голову, делая вид, что не может приладить хлястик.

– Дед, а если тебя сожрут, как быть? – невинно поинтересовался Штык как бы между делом. Он уже справился с костюмом и сейчас что-то уминал в своем рюкзаке.

Якорь хрипло рассмеялся.

– Вот шельма! Ладно, по делу вопрос. Игорь работает... работал на службу безопасности Альянса. Если вкратце – с Веганом у Альянса давно терки. Сейчас – тем более. Короче, выгорит дело или нет, Альянс нас приютит. Мне еще во время службы предлагали остаться, да потянуло на родную Выборгскую. Если что, добираетесь до ближайшей станции, например, до Площади Ленина. И в Альянс.

– Понятно. – Николай сосредоточенно кивнул.

– Еще вопросы? Нет? Держите противогазы.

Волков придирчиво осмотрел свой отряд. Бойцы вытянулись по струнке, изображая отличников строевой подготовки. На Штыке химза, именуемая в народе «Алладином», сидела как влитая. Широкий в плечах и мускулистый, он плотно заполнил собой костюм в отличие от Читы, на котором одеяние висело мешком.

Под одобрительным взглядом наставника Николай приосанился и подтянул ремень «Ублюдка». Сам Дед также был вооружен «АКС». Однако его автомат, который он никогда не сдавал в оружейку и которым пользовался единолично, представлял собой настоящее произведение искусства.

Якорь неоднократно рассказывал о прилудах к автомату, но дозорным не очень-то верилось, что обычный «Ублюдок» можно превратить в боевой комплекс с подствольным гранатометом и устройством бесшумной стрельбы.

Сейчас же, когда Дед прицепил к автомату гранатомет и глушитель, «АКС-74У» было не узнать. Впрочем, это уже и не был «АКС-74У». В данной модификации автомат превращался в комплекс Сб1, он же «Канарейка».

– Чита, это твой приятель. – Якорь достал из баула вертикалку. – Ты к ней привык, да и нет у нас на станции ничего другого.

– Сойдет, – улыбнулся Штык, – он из «Фермера» даже зеленого подстрелил.

– У меня еще «макаров» есть, – спохватился Леонид.

– На поверхности толку мало, но в метро сгодится. Итого на троих – «Ублюдок» и «Канарейка» для дальнего боя, вертикалка на случай, если кого провороним и близко подпустим.

– А это что?

Николай полез в баул, увидев еще один сверток, по характерной форме которого можно было распознать автомат или ружье.

– Ша! – Волков нарочито медленно замахнулся для оплеухи, позволяя Штыку пригнуться и отскочить. – Это «Лось».

– Откуда? – не смог скрыть интереса Николай.

– Из леса, вестимо.

– Мы сумку Шаха так и не проверили, – шепнул Чита. – Ловко он нас обул.

– Верняк! – Штык хлопнул себя по бедру. – Я-то, дурак, думал, он про подвеску на радостях встречи и забыл. А он нам глаза отвел. Подвеску я теперь уже и не отдам.

– Поможем Деду – считай, долг вернул, по-другому никак.

Николай с интересом взглянул на друга.

– Спасибо тебе, что со мной пошел.

– Я не с тобой, меня бы тоже допрашивать стали, – смутился Чита.

– Все равно, спасибо. Не бойсь, вместе не пропадем. – Штык хлопнул друга по спине.

– Какая идиллия, – прокомментировал Якорь, надевая противогаз, позаимствованный им из оружейки – старый РШ-4 с гофрой и большим цилиндрическим фильтром. Справившись с противогазом, он достал моток клейкой ленты. – Хорош миловаться. Швы залепить – и выдвигаемся.

Приладив рюкзаки на спины и нацепив налобные фонари, Леонид и Николай пошли вслед за Дедом, который, помимо баула за спиной, нес еще и сумку от противогаза, спрятав в нее конец гофры с привинченным к нему фильтром. Штык, замыкающий тройку, периодически оглядывался на оставшиеся за спиной гермоворота. На середине эскалатора Леонид вдруг спросил приглушенным голосом:

– А почему диггеров называют диггерами?

– Как это почему? – опешил Якорь.

– Ну, не в тему же, – глухо произнес Чита, поглаживая ствол вертикалки. – Говорят, до Катастрофы диггеры исследовали подземные коммуникации.

– Ну, так, – поддакнул Штык, явно раздраженный болтовней, мешающей сосредоточиться, – чего непонятного?

– Ничего не понятно, – ответил Леонид. – Диггер что делает? Наверх ходит. Так какой же он диггер?

– Ты че мелешь? – гаркнул Николай. – По сторонам лучше гляди.

– Нормальная стрессовая реакция, – одернул Дед. – У тебя вон агрессия поперла. А диггер диггером и останется, так уж повелось. Это, Чита, люди поумнее тебя придумали.

Отряд замер на верхних ступенях эскалатора, озираясь по сторонам. Неподвижная лестница упиралась в мертвое тело вестибюля, от которого остался лишь скелет. Потолок в нескольких местах треснул и прогнулся. Из трещин, подобно порванным сосудам, свисали пучки проводов. Пол вестибюля был усыпан осколками стекол, каменной крошкой и всевозможным мусором, с течением времени превратившимся в однородную, вязкую массу.

Можно было лишь предположить, что смешалось в этой массе. Отходы жизнедеятельности человеческой толпы, набившейся в день Катастрофы в вестибюль, да так и оставшейся здесь из-за недостатка места на станции. Упаковки из-под продуктов и сигарет, фольга и целлофан, остатки истлевшей одежды, которую можно было распознать по пуговицам и молниям, останки людей – волосы и кости.

Все это было присыпано опавшими осенними листьями и отдано на растерзание беспощадному времени, которое с помощью дождя и ветра в течение двадцати лет перемешивало и растирало мусор тонким слоем по полу вестибюля. Время будто бы преследовало одну-единственную цель – ликвидировать все, даже малейшие следы пребывания человека на поверхности, стирая в труху человеческие тела и уничтожая память о них.

Время нашло человеку достойное применение, превратив его в удобрение. Из растертой по вестибюлю плодородной кашицы росла низкая, жухлая трава. Тут и там выглядывали молодые побеги кустарников и деревьев, пережившие очередную зиму и устремившие голые стебли навстречу теплему апрелю.

Стеклянные стены вестибюля не пережили Катастрофы. Стекло, словно плоть, срезанная со скелета, осыпалось пластами, при ударе об пол разлетевшись каскадом мелких брызг по полу. Металлические рамы прогнулись внутрь сломанными ребрами.

В вестибюле царили сумерки. Небо, видневшееся сквозь пустые оконные рамы, заволкло серой хмарью, сквозь которую сочился мелкий, скучный дождь. Солнце уже не освещало город, сдав дневную смену, а звезды еще не заступили на ночное дежурство.

Командир двинулся по вестибюлю, настороженно глядя под ноги, аккуратно выбирая место для каждого шага. Леонид и Николай шли следом, озираясь по сторонам.

Чита суетливо вертел головой, пытаясь привыкнуть к ограниченному противоголозному обзору, жадно рассматривая открывшуюся ему картину.

Штык постоянно озирался, двигаясь экономно и плавно, будто бы боясь порвать химзу неловким движением. Автомат – на уровне глаз. Шаги уверенные, словно бы на ногах магнитные ботинки, про которые Леонид читал в одном из фантастических романов.

Дед, казалось, заполнил собой весь вестибюль, двигаясь мягко, как и Штык, но быстрее в несколько раз, то уходя вперед, то возвращаясь назад, успевая оценить не только обстановку, но и действия своего отряда.

Тихий звук под потолком. Три пары ног замерли. Три ствола задраны кверху. Три луча света ощупывают потолок в поисках цели. Три пары глаз, не моргая, смотрят из-под толстого оргстекла. Единый организм, еще недавно бывший тремя отдельными индивидами, отверг индивидуальность, чтобы стать сильнее, живучее, функциональнее.

Якорь, ставший в новорожденном организме головой, замечает врага. Крупное человекоподобное существо свешивается с края крыши, обвивает длинными пальцами балку оконной рамы и пытается протиснуть тело в окно. Голова организма реагирует мгновенно и отдает команду рукам – Николаю и Леониду. Три снопа рассеянного света освещают тварь, ослепляя ее на несколько мгновений, но та даже с закрытыми глазами умудряется податься назад и исчезнуть на крыше.

– Ногами она, что ли, держится, макака чертова!

– Больше на гориллу похожа, только не такая крупная, – произносит Чита, вспоминая картинки из книги о животных.

– Держим оборону.

Человеческий организм перетаптывается на месте, понимая, что выходить из вестибюля, подставляя спину врагу, нельзя. Враг неизвестен, враг может быть не один, может устроить засаду. Да и здесь, у входа в метро, человеческий организм чувствует себя защищенным.

Шум на крыше – будто там марширует рота солдат. Три световых пятна быстро движутся, преследуя невидимую, но шумную цель, замирают в углу потолка, превращаясь в одно большое. Но тварь слишком хитра, чтобы сунуться в освещенный круг, будто обезьяна – на арену цирка. Она словно знает наперед, что какие бы трюки она ни показала, аплодисментов ей не дожидаться. Публика внизу собралась неблагодарная.

Сообразив, чем она себя выдала, тварь перестает шуметь, таится и ждет, после чего попытается сунуться в окно и пролезть в вестибюль за пределами освещенного круга. Дед замечает опасность.

– Не двигаться, головой не дергать, пусть думает, что мы ее не видим. Штык, когда начну стрелять, поможешь. Патроны зря не трать. Не уверен – не стреляй.

Николай и Леонид кивают. Пятна света от их кивков чуть подрагивают. Дед продолжает боковым зрением отслеживать движение противника. Мутант ловко и бесшумно карабкается по сломанным ребрам вестибюля – перекладинам оконных рам, задействуя все четыре лапы. Якорь отмечает, что это именно лапы, и что тварь, и правда, очень уж похожа на гориллу. Даже такая же волосатая – легкий ветерок колышет густой волосистой покров.

Когда тварь забирается внутрь, Дед реагирует мгновенно. Поворот головы, луч света, припечатывающий мутанта к потолку, серия выстрелов. Горилла взвизгивает, вздрагивает и спрыгивает на пол. На земле она оказывается еще проворнее. Тварь начинает носиться по периметру вестибюля, держась от людей на расстоянии, будто надеясь, что их пули ее не достанут.

– Попал! – вскрикивает Штык. Существо замедляется. Теперь оно двигается, согнувшись в три погибели и припав к земле, опираясь о пол передними лапами и приволакивая заднюю, в которую угодила пуля.

В следующий миг горилла вскидывает кулак вверх и разжимает пальцы, будто бы приветствуя.

– Сволочь! Камнями кидается!

Еще одно приветствие – и кусок бетона пролетает около уха Якова. Тот отвечает сухим, почти беззвучным щелчком из «Канарейки» и смещается на несколько шагов в сторону. Чита следует его примеру, но тут же ловит брошенный булыжник плечом. От неожиданной боли дергает рукой и палит наобум из вертикалки над самым ухом Николая.

Мутант носится по вестибюлю, кувыркается через голову, меняя направление, пытаясь выскочить из освещенного пятна, сообразив, что его главный враг – свет. Кувырок – и тварь, все-таки вырвавшись из круга света, резко меняет направление движения, бросаясь на людей. Леонид оказывается ближайшей целью. Горилла дергается от попадания автоматных пуль, теряет кровь и скорость, но продолжает двигаться.

Подпустив ее ближе, Чита вскидывает ружье. В это время мутант швыряет очередной камень. Выстрел и хруст пластика. Фонарь на голове Леонида тухнет, брызнув осколками. Голова дергается от удара булыжника. Чита опрокидывается на спину, уронив вертикалку и широко раскинув руки в стороны, будто бы готовясь принять мутанта в радушные объятия. Однако тварь, не добежав до него нескольких метров, грузно оседает, будто каждая дробинка из угодившего в нее заряда оказалась невероятно тяжелой.

– Чита, ты как? – Николай склонился над телом. – Живой!

Дед отреагировал кивком головы, продолжая озираться.

– Что делать? Ждать, пока в себя придет?

– Уходим быстро. Тут гнездо.

Штык обернулся, не понимая, о чем идет речь. Якорь, уловив его движение, указал стволом автомата в угол вестибюля, продолжая освещать потолок. Николай крепко выругался, разглядев в углу кучу относительно свежих костей. Рядом на расстеленных шкурах лежала разорванная на части собачья туша.

– Если твари не ночные, то вернутся с дневной охоты, – произнес Дед, на несколько секунд опередив раздавшийся на крыше шум. – Ахтунг! Буди спящую красавицу.

Штык принялся тормозить Читу.

– Не церемонься! – командир прижал щеку к автомату, плавно сопровождая движением ствола появившуюся цель.

После нескольких пощечин Леонид пришел в себя, с перепугу стал бороться с другом, ожесточенно отмахиваясь, и лишь через несколько секунд сообразил, где находится.

– За мной, – бросил Дед через плечо, направляясь в сторону эскалаторов.

Потеряв ориентацию в пространстве после удара, Чита не сразу сообразил, что эскалатор под ногами – не тот, по которому они поднялись в вестибюль.

– Подземный пешеходный переход, – пояснил Волков на бегу. – Выход на поверхность метров через двести.

Спустившись по эскалатору, отряд уперся в стеклянные двери. Дед придержал за плечо Николая, норовившего проскочить вперед.

– Нас интересует дальний выход. Впереди два параллельных туннеля, я здесь был, давно. Если все по-прежнему, туннели обитаемы. Тварь не опасная, если все делать по уму. Но придется бежать. Двести метров, и очень быстро.

Миновав ближайшие выходы на улицу, отряд уперся в развилку коридоров. Командир встал перед одним из них, осветил его фонарем, поманил к себе Николая. Знаком велел делать

то же самое. Леонид, будучи не в состоянии оказать помощь из-за разбитого фонаря, занялся перезарядкой ружья.

– Приготовьтесь бежать, – предупредил Якорь, всматриваясь в темное нутро коридора. Николай, наблюдающий лишь крошечную тьму, боролся с любопытством, гадая, в чем тайный смысл данного ритуала.

Ничего не происходило. Дед стоял в молчании продолжая освещать коридор..

Штык нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Чита прислонился к стене, осматривая разбитый фонарь и пробуя на ощупь вспухшую на голове шишку.

– Не в этом, – сообщил Якорь, смекаясь к другому проходу и подзывая Николая.

Минуты две ничего не происходило. Вдруг Дед встрепенулся, ткнул Штыка в бок и командовал: «Бежать за мной, не оглядываться, отставших не жду, жить охота!»

В следующий миг Николаю показалось, что он слышит чье-то тяжелое дыхание. Затем ему померещилось быстрое мельтешение тонких, длинных лап, которых было слишком много, да и двигались они слишком суетливо, чтобы успеть их пересчитать. Вслед за лапами он увидел массивное тело, оно заполнило собой узкий коридор; свет фонарей отразился в десятке глаз, расположенных на одной-единственной голове. В этот момент Волков рванулся с места и опрометью бросился во второй проход.

Штык и Чита рванули следом. Когда Леонид стал отставать, Николай сбавил темп, оказавшись позади него, и принялся мотивировать друга легкими толчками в спину. Впрочем, цокот острых, членистых ног позади был куда лучшей мотивацией. Услышав его совсем близко и ощутив, как нечто ударило его по рюкзаку, Штык прибавил скорость, поравнявшись с другом и даже вырвавшись вперед на несколько шагов. Леонид старался не отставать, хрипя от недостатка воздуха, шумно втягивая его через фильтр противогаза. Он задыхался. В глазах помутнело. В висках стучала тревожная барабанная дробь. Колени ныли от нагрузки.

Коридор закончился неожиданным тупиком. В полумраке Чита не сразу сообразил, куда пропали товарищи. Лишь услышав призывный крик, он рванул вправо, увидел выход на улицу и взбежал по ступенькам навстречу вечерним сумеркам.

Сзади что-то гулко ухнуло и ударило в стену туннеля, будто бы тварь, как и Чита, не ведала о выходе на улицу. Переход за спиной содрогнулся.

Леонид приготовился к новому забегу, отыскивая глазами товарищей, однако по их ослабленным позам понял, что они достигли финиша. Тогда он устало рухнул на колени.

– Паутина, что ли? – брезгливо затряс он рукой.

– Паутина, – подтвердил Дед, отряхиваясь.

Николай боязливо приблизился, держа на прицеле выход из перехода.

– Все, спортсмены, финиш, нормативы сдали. – Командир положил ладонь Леониду на плечо.

– Что это за херь?

– Паук.

– Паук?

– Или паучиха, я ей яйца не щупал. Штык, отойди оттуда, она не вылезет, если не злить. Сейчас ты, блин, ей в морду досветишься.

– Просто по коридору пройти нельзя было? По пустому? Зачем ее приманивать? – Николай отошел от выхода.

– Ты знал, в каком она проходе? – Волков сделал паузу и, не дождавшись ответа, продолжил: – Вот и я не был уверен. А самым обидным было бы дойти по пустому коридору до выхода, а там встретить эту членистоногую, которая из второго выскочила бы. А так наверняка – точно знаешь, что она за спиной. Знай себе беги и не останавливайся.

Якорь взглянул на светящиеся стрелки часов, надетых поверх защитного костюма.

– Держите территорию, – он скинул со спины баул, достал атлас, разложил. Неразборчиво забубнил себе под нос. – Так... мы на Чугунной. Можно и здесь на ночевку что-нибудь найти, но нора, которую Шах отметил, проверена. Плюс заначка какая-нибудь имеется. И расположение выгодное – дорога и вход в метро просматривается. Силы есть еще? В путь.

До укрытия отряд добрался без приключений. Лишь во дворах, когда Дед искал нужный дом, на них выбежала стая собак Павлова. Шальные псы бросились на людей, едва заприметив, но как только Чита для острастки угостил их дробью, разбежались, громко обматерив врагов по-собачьи.

Оказавшись в подъезде девятиэтажки, отряд поднялся на пятый этаж, где командир кивнул на нужную дверь.

– Сюда, но сперва зачистка, чтобы спалось спокойнее.

Прикрывая друг друга, они поднялись до верхнего этажа. По дороге Дед толкал двери в квартиры и, если они оказывались не заперты, некоторое время стоял на пороге, светя фонариком внутрь и призывно улюлюкая. Жильцов в доме не обнаружилось.

– Ну что, диггеры, можно и на ночевку вставать.

– Якорь, а мы теперь, правда, диггеры? – поинтересовался Чита.

– Мы со Штыком – диггеры, точно, Колян? А ты – как хочешь. Тебе же слово не нравится.

Николай гоготнул и ткнул Леонида в бок. Чита помедлил, будто бы задумавшись, затем ткнул друга в ответ: «Нравится, я тоже диггер».

– Ишь ты, – развеселился командир, – диггер он! Ладно, заслужил, все-таки макаку ту, считай, на себя записал. Ну, тогда отметим пополнение в нашем братстве. По пятьдесят грамм. После залаза оно в пользу идет.

– И Шаха помянем, – добавил Штык.

– И Шаха помянем, – серьезно кивнул Дед, – один диггер убыл, двое прибыло. Счет два-один. Пока что в нашу пользу.

Глава 5. Шестеренки

Крохотная комнатка вмещала письменный стол, несколько стульев и узкий несгораемый шкаф, лишенный одной створки. При этом довольно смело именовалась кабинетом. Впрочем, что еще надо для работы пытливого уму, кроме нескольких амбарных книг, лежащих на столе, бумаги, упаковки которой были сложены у дальней стены, и заточенных карандашей, высовывавшихся из стеклянного стакана?

Девушка, сидящая за письменным столом, находилась здесь не по собственной воле. Она вновь, как раньше, ощутила себя пленницей, заключенной в темницу. Когда она была маленькой девочкой, то проводила в этой комнате, казавшейся ей скучной и унылой тюремной камерой, дни напролет.

Первое время девочка никак не желала мириться со своей тяжелой участью: надзиратель, который находился здесь же, в камере, кроме ужасной пытки скукой, заставлял учиться писать и читать. Она плакала, искала возможность выбраться и пыталась разжалобить своего тюремщика, выпросить у него хотя бы часик свободы.

Она знала, как распорядиться этим долгожданным часиком! Страдая от скуки и мечтая о свободе, девочка планировала наперед каждую минуту, чтобы потом, когда надзиратель подавался на уговоры и открывал дверь, ведущую на станцию, не тратить ни секунды на размышления о том, что следует предпринять. Чтобы запомнить каждое мгновение, проведенное за пределами ее темницы.

Едва дверь за ее спиной захлопывалась, пленница опрометью кидалась прочь, обегая все уголки на станции, где только могли быть ее друзья. Собирая вокруг себя ватагу сверстников, она вмиг заражала их своим задором, сжигая за несколько часов весь пыл, накопленный за целый день заточения. Дети из нескольких разрозненных группировок, разделившихся по возрасту, полу или личным интересам, под ее руководством сбивались в единое целое, превращались в организованную банду, держащую в страхе все взрослое население станции.

Назад, в темницу, она всегда возвращалась вовремя. Таковы были условия сделки. Лишь изредка, заигравшись в прятки или в казаки-разбойники, неподвижно застыв в укрытии или с азартом разыскивая товарищей, следуя по нарисованным мелом на стенах и на полу стрелкам, девочка слегка опаздывала.

Все изменилось в один прекрасный день, а может, вечер. Она этого уже не помнит, да и трудно различать время суток, когда часы липнут друг к другу, словно мухи, скопившиеся на липкой ловушке.

Все изменилось, когда маленькая пленница поняла, что у нее есть особая сила, которой она уже давно научилась владеть, сама того не замечая. Раньше она использовала свою силу только для того, чтобы распланировать долгожданный час обещанной свободы, продумать каждую его секунду и живо вообразить все то, чем она будет заниматься. Теперь же она сообразила, что силу можно использовать и для того, чтобы скоротать время заключения. Именно тогда девочка начала додумывать. Не наполнять скучную жизнь яркими образами, не подменять реальность красочными картинками, а лишь чуточку домысливать. Как оказалось, жизнь и так была полна интереснейшими сюжетами и событиями, нужно было лишь немного присочинить. Капельку фантазии – и она уже не была пленницей, комнатка переставала быть тюрьмой, а надзиратель больше не был строгим и непреклонным.

Он превращался в омраченного думами короля-полководца, вынужденного день и ночь корпеть над планом сражения с жестоким врагом за свою территорию. Карандаши в стакане становились остро заточенными копьями, ждущими часа битвы, а две высокие стопки упаковок бумаги выглядели башнями замка, возвышающимися за спиной полководца. Сама же пленница превращалась в принцессу, желающую помочь отцу в предстоящей битве.

И она помогала, как могла – рисовала воинов, оружие и снаряжение. Мечи и доспехи – все, что могло понадобиться армии короля в грядущих битвах. Девочка заваривала отцу колдовское грибное зелье и осваивала грамоту, чтобы однажды возложить на себя полномочия по управлению королевством.

Иногда к королю приходили посетители – послы соседних королевств. Тогда принцесса была свидетельницей того, как решались судьбы держав. Выстраивались торговые пути, назначались цены товарам, подписывались договоры. Принцесса встречала гостей и дарила им свои рисунки. Когда послы уходили, она слушала рассказы отца о чужих королевствах. Отец называл их станциями.

Оказалось, что их много, а ее королевство по сравнению с некоторыми – маленькое и бедное. Поэтому, чтобы выжить, им приходилось вступать в союзы с другими, иногда очень невыгодные. Искусство выбирать союзников и договариваться с ними о наиболее выгодных условиях король называл политикой.

Вскоре, когда маленькая принцесса подросла, король стал учить дочь политике, позволяя ей поддерживать его в разговорах с послами и даже принимать некоторые важные решения.

Когда принцесса стала совсем взрослой, настолько, что король уже стеснялся обнимать ее и ласково гладить по плечам и волосам, как раньше, было решено выдать ее замуж за человека, который занимал важный руководящий пост в армии одного из сильнейших королевств.

Кристина откинулась на стуле, закрыла глаза, промокнула рукавом платья бусинки повисших на ресницах слез. Попыталась вспомнить, как легко ей было раньше додумывать происходящее в рабочем кабинете ее отца. Ничего не вышло. Сейчас трудно было вообразить, что ее жизнь – сказка.

В дверь постучали – отнюдь не с целью получить разрешение войти, а чтобы предупредить заключенную о визите. Легонько звякнули друг о друга ключи. Раздался громкий щелчок, и дверь отворилась. Зашел Борис.

Грузный и неловкий, он заполнил собой всю комнату. Сунул связку ключей в карман и сцапал ближайший стул. Тот тоскливо и протяжно заскрипел, будто начальник охраны своей обильной массой выдавил из него стон.

– Натворила дел, племянница. – Борис шумно выдохнул, поерзал на стуле, повертел головой, разминая хрустящую шею.

Девушка поморщилась, не скрывая отвращения. Каждое движение дядки было неуклюжим и шумным. Кристине он всегда казался гигантским младенцем, так и не освоившим координацию движений.

– Нечего сказать? – Тот оперся о стол. – Что же ты с женихом такой покладистой не была? Как вообще в твою светлую головушку пришла идея отравить его прямо на станции?

– Ты думаешь, это я хотела его отравить? – вспыхнула она.

– Брось отпираться! – Борис вперил в племянницу тяжелый взгляд. – Не будь дурой. Давай по-человечески поговорим. Чем он тебе не угодил?

– С тобой – по-человечески? – Кристина рассмеялась. Смех вышел наигранным, но дядю все равно проняло. Лицо его покрылось багровыми пятнами.

– Да, со мной! Прекрати истерику! Ведешь себя, как последняя эгоистка. Я сам не в восторге от этой затеи. Меня от этих зеленых воротит, знала бы ты, как! Какой нормальный мужик от бабы да от водки откажется? Вот только жить, как жили, я тоже не хочу. Батя рассказывал, как мы двадцать третий пережили? Про брюшной тиф в двадцать пятом?

– Ничего не изменится. – Кристина опустила взгляд на ящик письменного стола, припоминая его содержимое. – Для Выборгской. Мы даже не знаем, что Власову от нас на самом деле нужно. Только идиот поверит в то, что Империя налаживает торговлю с Северной Конфедерацией.

– Умная какая, – цокнул языком дядя, – батя твой – идиот, значит.

– Ты сам веришь? – Девушка опустила руки, приоткрыла ящик и принялась ворошить содержимое, перебирая цветные карандаши.

– Я верю... – Борис замолчал и, не вставая со стула, повернулся к карте метрополитена, висящей на стене справа от стола. – ... что Выборгской нужен этот союз. На любых условиях.

Он грузно поднялся, упершись руками в бедра, взял со стола цветной карандаш и, подойдя к карте, принялся заштриховывать пустой белый кружок, около которого было написано «Выборгская», зеленым цветом.

Кристина, нашедшая в ящике искомый предмет, резко поднялась из-за стола, подошла к карте.

– Ты не интересуешь Власова как женщина, – произнес Борис, – если тебя пугает это. Ваша свадьба – символический жест. Жест доброй воли. С его стороны, конечно же.

Девушка нерешительно подняла руку и застыла, будто дожидаясь, пока дядя закончит раскрашивать кружок, чтобы вслед за ним сделать с картой то, что она считает нужным.

– Но теперь я не знаю, как вернуть его расположение после того, как невеста попыталась его отравить, пусть и чужими руками. – Борис остановился, заштриховав кружок Выборгской наполовину. – Вряд ли он так легко отступит от своих планов. Наша станция ему нужна. Но вот нужна ли ему теперь ты?

Начальник охраны с сомнением покачал головой, отвечая на собственный вопрос.

– Ты видела, он не привык прощать проступки. – Кончик зеленого карандаша вновь уткнулся в недокрашенный кружок. – Боюсь представить, что ждет тебя. Но я обещал брату, что позабочусь...

Кристина глубоко вздохнула и, задержав дыхание, шагнула за спину дядьке, занеся над ним руку. Будто пружина с необработанным, острым и опасным краем, рука распрямилась, разрывая горло Бориса.

Начальник охраны захрипел, раскрыв рот в беззвучном крике. С приоткрытых губ сорвалась розовая ниточка слюны, повисла и оборвалась. Фонтанчик алой крови окропил карту метрополитена, заливая разветвленную схему линий.

Кристина попятилась, оставляя в шее Бориса маленький нож для бумаг с круглой деревянной ручкой и узким, немногим шире шила, лезвием. Кровь, бившая толчками из его шеи, заставила ее отступить к дальней стене.

Девушка в ужасе уставилась на собственные руки, словно недоумевая, как все это вышло. На руках была кровь. Несколько капель упало на подол платья, оттеняя его белизну. На фоне крови свадебное платье цвета старой скатерти казалось белым, словно поле, припорошенное молодым январским снегом.

Начальник охраны пошатнулся, облокотился о стену, замахал рукой около шеи, пытаясь поймать нож за рукоятку, но напрасно – рука впустую хватала воздух. Борис стал сползать по стене, оставляя на карте метрополитена кровавые разводы, осел на пол, ноги его задрожали.

Кристина сцепила ладони в замок, будто бы пряча окровавленные пальцы, попятилась, наткнулась на противоположную стену, замерла.

Сердце рвалось из груди. Его удары гулко отдавались в висках. В сознании крутился вихрь мыслей о том, что следует делать дальше, и о том, чего не следовало делать совсем. Вспомнилась последняя оборванная фраза Бориса. Что он обещал ее отцу?

Девушку затошнило. Упав на четвереньки, она поползла к стулу, зацепилась коленом за подол, неловко попыталась высвободиться. Платье с хрустом порвалось. Непрочный, ранее уже порванный и подшитый подол оторвался и повис, призывая не то взяться за иголку с ниткой, не то закончить начатое.

Рассмотрев на кружевном подоле пятна алой крови, Кристина принялась ожесточенно его отрывать. Через минуту дело было сделано. Укороченное платье, почти не испачканное

кровью – лишь пара пятен, едва заметных в скудном свете масляной лампы, – призывало броситься прочь с места преступления. Оторванный окровавленный подол лежал поодаль.

Девушка поднялась на ноги, приблизилась к бездыханному телу. Преодолевая тошноту, залезла в карман штанов, достала связку ключей. Приоткрыв дверь, попыталась хоть что-то разглядеть сквозь щель. Все, что она смогла увидеть – отблески далекого огня и неясное мельтешение на платформе. Отступив назад, она стала размышлять, что можно прихватить с собой из кабинета.

Бумага, карандаши. Какая-то мелочовка в ящиках письменного стола. Тетради, скрепки, батарейки. Батарейкигодились бы, но куда их положить? Руки и так заняты ключами. Масляная лампа на столе. Источник света точно понадобится. Глупо блуждать по станции в потемках, натываясь на всех подряд. Так можно и на Власова наткнуться. Даже если тот и не считает, что это невеста пыталась его отравить, ничем хорошим для нее эта встреча не закончится. В лучшем случае Эдуард ее схватит и приставит для охраны своего человека. Потом найдут Бориса, и беды не избежать.

Кристина подошла к карте метрополитена, внимательно рассмотрела ее в свете лампы. Первым делом в глаза бросилось большое кровавое пятно и несколько отдельных красных островков, однако, если пристально взглядеться, можно было различить линии, обозначающие туннели, и прочесть названия станций. Оборвав края карты, плотно приклеенные к стене скотчем, девушка сложила бумагу и спрятала в декольте.

Держа в одной руке лампу, а в другой – громоздкую и неудобную связку ключей, она вышла из кабинета и тут же оказалась лицом к лицу с Кузнецовым – личным охранником Бориса.

Кузнецов – мужчина средних лет, невысокого роста, но жилистый и крепкий, не то бывший мент, не то бандит, а скорее, и то и другое сразу, коротко зыркнул на нее прищуренным глазом, сгреб в объятия и, не говоря ни слова, потащил через платформу. Кристина, чувствуя предательскую слабость в ногах, не упиралась. Куда бы ни тащил ее охранник, сейчас это было лучше, чем если бы он обнаружил труп своего шефа.

Они лавировали в потоке людей, снующих по станции взад-вперед. Кузнецова узнавали, поспешно уступали дорогу. Удивленно косились вслед странной парочке.

– Что Власов? – набралась смелости девушка.

– Что Власов? – повторил охранник в своей привычной манере, будто ему требовалось время на осмысление простейшего вопроса.

– Разобрался, кто хотел его отравить?

– Хрен знает, веганцы ищут остальных челноков, которые были с рыжим. Те, не будь дураками, хорошо заныкались или деру уже дали.

– А меня?

– А что – тебя?

– Меня ищут? – Кристине показалось, что Кузнецов сбавил шаг, увидев двух веганцев, вошедших в хибару неподалеку от них.

– Зачем? Власов думает, Борис тебя закрыл.

Охранник явно избегал встречи с веганцами. Прислонившись к палатке, он грубо одернул девушку, не позволяя ей высунуться.

– Ты мне поможешь? – Кристина увидела непонимание в глазах своего конвоира и решила попытать удачи. – Борис сказал, ты поможешь.

– Ну, уж хрен, ключи он тебе отдал, вот еще держи. Хватит с тебя. И так скажи дядьке спасибо, что отпустил.

Кузнецов снял со спины небольшой, туго набитый рюкзак, надел на девушку. Покопался в нем, достал что-то и накинул ей на плечи прямо поверх рюкзака.

Длинный плащ-дождевик прикрыл свадебное платье. Кристина натянула капюшон, скрывая лицо. Не поднимая головы, держа в поле зрения лишь ноги охранника, она шла за ним, принаравливаясь к его шагу. Они то едва не бежали, то замирали на некоторое время, скрываясь за палатками и хибарами. Лишь оказавшись в изогнутом коридоре, пол которого находился под уклоном, Кристина поняла, что они идут к герме.

– Дальше сама. – Кузнецов забрал лампу и ключи, сунул ей фонарик, отпер служебный вход гермы.

– Почему Борис меня отпустил? – Кристина осмелилась задать волнующий ее вопрос, только стоя перед открытой дверью, готовая в любой момент сорваться с места и броситься вверх по эскалатору.

– Почему? – Охранник нахмурился. – Он не сказал?

Девушка неопределенно пожала плечами.

– Бойтся, что муженек живого места на тебе не оставит. Дядька все-таки.

Кристина закусила предательски задрожавшую губу, кивнула и пошла прочь. Еще некоторое время, не веря в происходящее, она ожидала окрика Кузнецова или даже выстрела в спину. Ожидала и гадала, что же все-таки задумал Борис.

Помочь ей бежать, а потом остановить и тем самым выслужиться перед зелеными? Или дядя и правда считал, что это она хотела отравить Власова, и, испугавшись разборок с веганцами, решил, что меньшим злом будет отпустить ее на все четыре стороны? О том, что Борис все-таки пожалел племянницу, думать было невыносимо стыдно. И все же его последние слова, оборванные ударом ножа, эхом звучали в голове.

Кристина не дождалась ни выстрела, ни окрика. Когда Кузнецов захлопнул за ней дверь и несколько раз повернул ключ, она поняла, что ей и впрямь помогли сбежать с Выборгской.

Остановившись перед эскалаторами, девушка залезла в рюкзак, оценивая скудные припасы. Рюкзак оказался тем самым, с которым она попыталась покинуть станцию, когда ее задержал Чита. Если Борис оттуда ничего не выложил, значит, там остались вещи, которые она собирала сама. То, что она сумела тайком раздобыть на станции, не привлекая к себе лишнего внимания: немного сухарей, сушеных грибов и вяленого мяса, две пластиковые фляги с водой, нож, запасные батарейки, спички, несколько таблеток сухого горючего, противогаз и единственный фильм к нему.

Небогато, но лучше, чем ничего. Вот только вместо костюма химической защиты – прорезиненный плащ-дождевик. Дозиметра, чей тревожный трескучий голос каждую минуту напоминал бы ей о том, что она подвергается радиационному облучению, тоже не было. Как и оружия. Пистолет остался у Леонида.

Зато было в рюкзаке кое-что еще. Напоминание о том, что у нее есть цель, что нежелание выходить замуж за Власова – не просто блажь и каприз. Напоминание, что в ее жизни уже есть человек, который ждет ее и любит. Человек, предупреждавший о том, что веганцы могут прийти за ней. Человек, которого от Кристины сейчас отделяло несколько станций.

Девушка достала пузырек, сильно напоминающий флакон с духами из былых времен. Закутавшись в плащ, надела рюкзак и противогаз. Груз за спиной, давящие на плечи лямки и ограниченный обзор напомнили, что прогулка предстоит нелегкая. Сделав несколько пробных вдохов и выдохов, Кристина распылила содержимое флакона на плащ, густо покрывая каждый сантиметр прорезиненной ткани.

Наверху она никогда не была. Однако путь, который предстояло пройти, был ей известен. Тот, кто ждал ее на поверхности, подробно описал дорогу от Выборгской до места встречи. Опасности, с которыми ей предстояло встретиться, он также расписал в красках.

По его словам выходило, что наиболее безопасный путь – по туннелю на Площадь Ленина, где ее встретили бы их общие друзья, вывели бы наверх и помогли бы добраться до возлюбленного. На случай, если все же придется подниматься с Выборгской, ей был оставлен

флакон с бесцветной жидкостью, лишенной запаха. Вернее, запаха, который мог бы почувствовать человек.

Кристина вновь, как в далеком детстве, ощутила, что реальность утрачивает очертания, позволяет воображению смягчить и размыть свои жесткие рамки, придавая происходящему зыбкость. Она чувствовала себя принцессой, сбежавшей от узурпатора и тирана, желающего насильно взять ее в жены, захватить ее родное королевство и установить в нем жестокие порядки и законы. В реальность Кристину вернул вид засохшей крови на руках.

На город легла ночь, встретившая гостью резкими порывами ветра и хлесткими ударами дождевых струй. Казалось, что дождь льется отовсюду. Капало с неба, с ржавых крыш умирающих домов, с голых деревьев, впавших в кому на зиму и еще не успевших ожить. Ручьи из водосточных труб бежали вдоль поребриков, просачивались сквозь сливы заросших мхом канализационных люков.

Сильный ветер заносил дождь внутрь вестибюля. Кристина поежилась, затянула резинки капюшона, спрятала руки в карманы плаща. О перчатках она не подумала. Фонарь зажигать не стала, помня наставления возлюбленного. Он предупреждал, что лучше покинуть станцию днем, когда обитатели вестибюля, выбравшие это место для своего гнезда, находятся на охоте. Если же придется уходить ночью, стоит воспользоваться его подарком. Вести себя следовало очень осторожно, не привлекая внимания хищников.

Достигнув середины помещения, она заметила гнездо. В лунном свете можно было разглядеть скопление слабо шевелящихся, жмующихся друг к другу тел.

Кристина продолжала путь к выходу, держа гнездо в поле зрения. Под ногами предательски хрустело стекло. Она замерла. Хруст утонул в шуме дождя. Девушка зашагала смелее. Одно из тел зашевелилось активнее, вскинуло вверх лапы, поднялось. Мутант бесцеремонно прошел по спящим товарищам, замер, завоzilся лапами в районе волосатого паха, пожурчал, повернулся в сторону Кристины.

Девушка присела, притаившись за кучей старого хлама. Мутант вытянул шею, будто бы принюхиваясь. На какой-то миг Кристина пожалела, что использовала жидкость из флакона. Пригнувшись к самому полу, она оперлась на руки и постаралась незаметно выглянуть из-за кучи, чтобы держать проснувшееся существо в поле зрения. Когда девушка не обнаружила его на прежнем месте, сердце у нее екнуло.

Пытаясь отыскать мутанта, Кристина разглядывала кучу спящих созданий. Жутких, лохматых, похожих на людей, но лишенных привычных пропорций. Длинные торсы, короткие задние лапы. Мощные и длинные передние.

Рев. Безумно громкий, леденящий душу, воздействующий сразу на все органы чувств, заставляющий даже закрыть глаза оттого, что в них начало двоиться. Рев мутанта, предостерегающий соплеменников, принуждающий их пробудиться, встрепнуться, оглянуться в поисках опасности. Вспомнились рассказы о дне Катастрофы и воющих по всему городу сиренах, от которых кровь стыла в жилах.

Девушку схватили и встряхнули, поставили на ватные, чужие, больше не принадлежащие ей ноги, поволокли. Она запнулась и упала, но ее продолжили тащить. Содрогаюсь всем телом от отвращения, она запустила пальцы в густую, свалявшуюся шерсть и попыталась разжать чужие, длинные пальцы.

Кристину подтащили к гнезду и бросили в объятия других устремившихся к ней лап. Поймали, перехватили, легко и ловко принялись передавать от одного к другому, обнюхивая страшными мордами с выпирающими челюстями, обломанными неровными клыками, заходящими за верхнюю губу, с впалыми, словно бы у черепов, носами, с резко очерченными надбровными дугами.

Обнюхав добычу, мутанты успокоились. Немного побродив по вестибюлю, они улеглись в гнездо, выстланное обрывками шкур. Собачьих, о чем можно было догадаться по валяющимся тут и там черепам.

Собравшись в гнезде, твари продолжили прерванный сон. Мутант, обнаруживший Кристину и поднявший тревогу, уложил ее рядом с собой, словно ребенок – любимую игрушку. Потом придавил ее тяжелой лапой и заснул.

Кристина не могла сказать, сколько прошло времени с момента ее поимки до того, как лучи утреннего солнца, пока еще холодного и неприветливого, заглянули в вестибюль станции Выборгская.

Часы она умудрилась где-то потерять, хотя до выхода за герму они точно были у нее на запястье, а по субъективным ощущениям, прошла целая вечность. И все это время девушка не смыкала глаз, разглядывая окружающих ее чудовищ, их длинные когти и желтые клыки.

Мутанты начали ерзать, просыпаясь, пихая друг друга в спины и морды. Ночь отступала, унося с собой страх, на который у Кристины больше не было сил. Страх сменился отстраненным безразличием. В какой-то момент внутри что-то оборвалось, словно лопнула струна.

Обитателей гнезда было семеро. Самые крупные – ночной сторож, не отпускающий ее от себя, и беременная самка с набухшим пузом. Помимо размеров, от остальных членов стаи их отличал пепельно-голубой окрас. Еще четверо – меньшего размера, серые. Седьмой, тоже серый, остался лежать на собачьих шкурах бесформенной массой.

Присмотревшись к мертвому телу, Кристина разглядела несколько пулевых ранений. Один из мутантов, занятых потрошением оброненного ночью рюкзака, заметил ее интерес к погибшему товарищу. Подскочив, он грубо толкнул девушку лапой в грудь, отстраняя от тела.

Ночной сторож, вмиг вострепнувшись, одним прыжком оказался в эпицентре конфликта и огрел агрессивного собрата арматурой, которую сжимал в лапе. Злой и уверенный в своих силах, он казался вожаком, принимающим решения за всю стаю. Сопроводив наказание тихим рыком, он повернул морду к Кристине, принялся, затряс арматурой над головой и застучал себя лапой в грудь.

– Ты тут самый крутой, понятно, чур, я с тобой дружу.

Покачнувшись от толчка в спину, она обернулась. Самка, придерживающая одной лапой тяжелый живот, другой замахнулась для удара.

– Ты против? На правах жены, надо думать? – Девушка истерично хихикнула.

Беременная угрожающе оскалилась, зарычала. В следующий миг рык сменился звонким верещанием, когда вожак, подошедший сзади, схватил ее за патлы и грубо оттащил от Кристины. Принюхавшись к девушке, он ударил себя в грудь, что-то коротко сообщив, и утробно зарычал на самку.

Та некоторое время бодалась с самцом взглядом, позволяя себе тихий, отрывистый рык, затем отвела взгляд и опять злобно оскалилась, глядя на Кристину. Вожак замахнулся арматурой, но самка тут же развернулась вполоборота и присела, пряча от удара набухший живот.

Арматура ударила ревнивицу по шее и вновь взлетела вверх, но Кристина встала между вожаком и беременной, пытаясь остановить удар. Самец недоуменно рыкнул, зашевелил складками около носа, повертел мордой, ловя неощутимый для самой Кристины запах, исходящий от ее плаща, обработанного из подаренного флакона.

– С химией не поспоришь, – констатировала девушка и тут же испуганно произнесла: – Ты чего, перестань!

Вожак, копошащийся свободной рукой в районе волосатого паха, надвигался на Кристину. Она ощутила, как страх вернулся вновь. В следующую секунду самец отвлекся на молодую особь, подвернувшуюся не вовремя, и принялся мутузить ее арматурой. Та запрыгала вокруг обидчика, не решаясь проявлять агрессию, но и не собираясь подставляться под удар.

Еще через некоторое время вожак отвлекся на вяленое мясо, которое один из мутантов нашел на дне рюкзака.

Воспользовавшись моментом, Кристина уверенным шагом направилась к выходу. Недовольный рык застал ее уже у дверей из толстого стекла, покрытого трещинами. Дверь не поддавалась. Девушка опасливо покосилась на мутантов. Вожак упругой походкой шел в ее сторону, негромким рыком призывая остальных следовать за ним.

Кристина подошла к основанию стены, доходившей ей до груди, быстро сняла плащ, набросила поверх нижней части оконной рамы, из которой торчали острые осколки стекла. Мельком оглянулась.

Вожак, сообразив, что новый член стаи решил ее покинуть, опустил на четвереньки и пустился в погоню. Кристина подтянулась, закинула ноги на стену, увидела протянутую к ней волосатую лапу и спрыгнула, оказавшись на улице.

В последний момент она успела прихватить плащ. Мутант зарычал, ударил лапой по раме и тут же отшатнулся от стены, припал губами к ладони, мотнул головой, будто выдергивал зубами занозу. Кристина разглядела мелькнувший в его зубах тонкий, длинный осколок и, воспользовавшись неожиданной форой, бросилась бежать.

* * *

– Ты чего здесь? Леня дежурить должен. – Дед вошел на балкон, плотно затворив за собой дверь. – Буди его, соснешь еще пару часиков.

– Я подежурю, ему по голове нехило прилетело.

– Смотри сам. – Командир уселся на табуретку. Покосился на портативный дозиметр, висевший на гвозде, потом на противогаз в руке.

Старый противогаз со шлангом он сменил на ГП-5 из найденной в квартире закладки. В квартире они ходили без масок, доверившись дозиметру. Логово Шах оборудовал по уму: щели заткнуты, вентиляция перекрыта, окна целы. А вот выходить на балкон без противогаза Дед запретил. Но теперь, похоже, передумал.

– Жить можно. Хочешь, сними. С погодкой подфартило. Ветра нет, да и пасмурно. Было бы солнечно, с непривычки глаза бы сожгли.

Николай поерзал, разминая затекшие мышцы. Стянул с лица резиновую маску. Осторожно принюхался, не вдыхая глубоко, будто бы перед ним парило облако смертельно опасного газа. Некоторое время боролся с собой, но все же вновь натянул резиновую маску на лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.